

ГЕОРГИЙ ПРОСТ

НЕ ОТДАВАЙ МЕНЯ МОРЮ

Возвращайся с друзьями и семьей, а не с морем.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Георгий Прост

Не отдавай меня морю

<https://litres.ru/74685522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь лет Ника Ренн ищет исчезнувшую сестру. След находится там, где его не должно быть: в казённой книге, в графе оплаты ремонта дамбы.

Тарвен держится на камне, соляных швах и чужой памяти. Некоторых жителей город забывает целиком. Их имена исчезают из записей, близкие перестают узнавать лица, а оплаченные ими чудеса продолжают служить остальным.

Марк Вейр знает дорогу за закрытые ворота. Когда-то он отвёл туда сестру Ники. Теперь Палата намерена вычеркнуть его самого.

До Большой воды девять суток. Нике нужны его знания, Марку — её руки. Им предстоит спуститься под дамбы, увидеть ложь, на которой вырос город, и решить, какую цену они согласны заплатить.

Она обещала попытаться сохранить его имя. Прощать его не обещала.

Содержание

Часть I Счёт за камень	4
Глава 1 Соль между страницами	4
Глава 2 Восьмая тетрадь	14
Глава 3 Собственный ключ	26
Глава 4 Человек у ворот	38
Глава 5 Товар без запаха	50
Глава 6 Баня для сухих	62
Глава 7 Где держится край	73
Глава 8 Ворота восемь лет назад	85
Глава 9 До другого берега	96
Глава 10 Трое у стола	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Георгий Прост

Не отдавай меня морю

Часть I Счёт за камень

Глава 1 Соль между страницами

Ника прижала к столу разорванную книгу локтем и успела поймать чашку за ручку. Чай всё-таки выплеснулся, попал на край фартука и на ботинок незнакомки.

— Дорого обойдётся, — сказала Ника.

Женщина убрала ногу.

— Ботинок?

— Книга. Ботинок уже ваш.

Незнакомка не улыбнулась. На ней было серое пальто с хорошими костяными пуговицами; нижнюю пуговицу пришили чёрной ниткой, торопливо, через край. Левая перчатка отсутствовала. Вторая лежала на книге, точно женщина прикрывала ею что-нибудь стыдное.

— До вечернего колокола, — сказала она.

— У вас вырваны три тетради. Шнур перепилен. Кожу отслоило до доски. Тут сутки сушить, а потом...

— Только чтобы открывалась и закрывалась. Снаружи по-

правлять не надо.

Ника сняла перчатку. На коричневой коже переплёта остался мокрый отпечаток ладони. Книга была казённая: размер в пол-локтя, углы обиты железом, на корешке три вдавленных круга Палаты прилива. Сами круги целы. Надпись между ними кто-то скоблил ножом.

Из дальней комнаты донёсся стук тесака. Дора разделывала сушёную рыбу и принимала решения по его звуку.

— За срочное двойная цена! — крикнула она. — За казённое тройная! За казённое срочное пусть оставит наследство!

Незнакомка выложила четыре серебряных колечка. Деньги были настоящие, тяжёлые, с новой насечкой.

Ника посмотрела на них и на пальто. При обычном ремонте женщина отдала бы книгу у окна, взяла расписку и ушла. Теперь она стояла в проходе, мешая закрыть дверь от ветра.

— Как записать заказ?

— Расходный том. Ремонт.

— Заказчика.

— Скажите, его принесла я.

— Кому сказать?

Женщина наконец подняла глаза. Белки покраснели от соли или бессонницы. Вблизи обнаружилось, что ей лет сорок, хотя у двери Ника дала бы пятьдесят.

— Тому, кто спросит о Южном затворе.

Она положила ещё одно колечко, потянула дверь и едва не

столкнулась с мальчишкой, доставлявшим уголь. Мальчишка отругал её вполголоса, получил от Доры подзатыльник за рассыпанные у порога куски и протащил мешок к печи. Пока Ника отвлеклась на мешок, женщина исчезла.

— Ты хоть расписку дала? — Дора показалась из-за занавески с ножом и половиной рыбыны.

— Она не взяла.

— Богатый клиент. Удивительно, как я его пропустила.

Пять колечек Дора сложила в кассовую коробку. Ника опустила створку окна: с Нижней набережной тянуло рыбным рассолом. На мостовой возчик ругался с водоносом; оба требовали уступить первыми. Через девять суток вода дойдёт до третьей ступени их крыльца, если верить вывешенной утром таблице. Если не верить — тоже дойдёт. В таких вещах таблицы редко ошибались.

Под столом лежал учебный атлас портного. Ника подняла его на сушильную полку, подальше от сырого расходного тома. На карте ещё виднелся розовый след карамели: дочь портного отметила конфетой мыс, куда уплыл её дядя. Утром девочка стояла возле стола и спрашивала, останется ли он там после ремонта. Ника объясняла разницу между человеком и нарисованным местом, отделяла сахар от бумаги, думала, сколько взять с семьи за испорченный край. Теперь работать предстояло с казённой книгой. Для неё Ника выбрала другой нож, тяжёлый и короткий, и положила справа от локтя.

Она разложила инструмент. Лёгкий нож для кожи, костяную гладилку, шило с короткой ручкой. Разрыв начинался у верхнего каптала и шёл поперёк шнуров. Переплёт рвал человек, который знал, где держится книга. Половина тетрадей ещё висела на внутренней марле; другие кто-то грубо затолкал обратно.

Первую страницу Ника подняла за сухой угол. «Южный затвор. Каменные и шовные работы». Год был восьмилетней давности.

Она перестала двигать ножом.

— Что там? — спросила Дора.

— Старое.

— Все книги старые. Новые пока не сломали.

Дора вернулась к рыбе. Ника сняла с полки грузик, положила на раскрытый лист и стала считать тетради. Здесь платили за известняк, лес, поднятие с воды двух барж. За воду для каменщиков тоже платили, отдельно от воды для штукатуров. Казённый писарь выводил четвёрки так, будто ставил на привязь маленьких животных.

В восьмой тетради несколько строк были светлее соседних. Бумага там припухла. Ника провела подушечкой большого пальца вдоль нижнего поля. Старый шрам зацепился за крупинку соли.

Кто-то перелицевал запись. Она знала это по натяжению волокон: после вымывания чернил лист оставался послушным на вид, но внутри перекручивался, как мокрая верёвка.

Ника придвинула лампу. При дневном свете почерк исчезал, при боковом проступали вдавленные ложбинки. «Особое обеспечение основания». Сумма отсутствовала. В графе оплаты стояло четыре кривых знака, почти неразличимых под новым слоем.

Она коснулась их двумя пальцами.

Обычно в соляной бумаге отвечал нажим чужой руки. У этого листа был другой отклик: ступни на холодных плитах, шершавая манжета у запястья. Женский голос выговорил: «За камень уже уплачено».

Ника убрала руку. В мастерской хлопнул угольный мешок. Рыба пахла гарью: Дора положила хвост на плиту. Всё было на своих местах.

Чужие отголоски не являлись к Нике сами. Их требовалось вытягивать из материала, отличать от собственных предположений, проверять по буквам. Она заплатила за умение детской лихорадкой, двумя криво сросшимися ногтями и годами возле Доры. Уверенность стоила ещё дороже.

Ника набрала на кисточку чистой воды и намочила поле, оставив чернила сухими. Подождала, считая удары часов. Потом провела пальцем по направлению шва.

Ренн.

Фамилия могла принадлежать кому угодно. В Тарвене жили ещё двое Реннов, аптекарь и его тётка, которая выдаивала коз на Верхнем острове и не признавала родства.

Ника смочила второй участок.

Ада.

Она отняла палец так резко, что задела лампу. Дора поймала её за стеклянный колпак.

— Руки на стол, — сказала хозяйка.

Ника положила ладони на доску. Слабый ток прошёл от подушечек к локтям. В детстве после соляной лихорадки она полгода не могла удержать ложку. Теперь могла подхватить одну нитку из двадцати, не сдвинув соседние. Только после таких прикосновений возвращалась старая дрожь.

— Здесь имя Ады.

Дора поставила лампу. Копчёная рыба осталась у неё в другой руке; хвост качнулся над книгой.

— Покажи.

— Оно под оплатой камня. Видишь изгиб? Вот здесь.

Дора наклонилась. От неё пахло дымом и гвоздичным мылом. Она прищурилась, потом перевернула лист на просвет.

— Могла быть приписка счётчика.

— Её имя в расходе.

— Ты пока прочла две строчки.

— Восемь лет никто не мог прочесть ни одной.

После исчезновения сестры Ника собирала бумаги в ящике под кроватью: последний расчёт жалованья, квитанцию за шерсть, просьбу заменить ей служебные сапоги. Ада была выше Ники, но сапоги им выдали одного размера, и Ника долго хранила их, пока Тим не разрезал голенища на прокладки для насосов. Из-за этого они неделю не разговари-

ли. В квитанциях не было ничего о том, куда делась хозяйка сапог.

Дора убрала рыбу от стола.

— Не мочи больше. Если это казённая вытравка, растечётся весь лист. Возьми сухую сетку.

Она говорила спокойно, но сетку принесла сама. Ника пропустила между страницами тонкий лён. На тыльной стороне расплылась отметка служебного перехода, три цифры и косой штрих. У края, где бумага держалась на шнуре, осталась засохшая серая корка.

Ника хотела спросить Дору о цифрах. В дверь постучали — два раза, потом один. Хозяйка посмотрела на окно.

За стеклом стоял мужчина в тёмном плаще. Он держался правой рукой за косяк. На ступени под ним чернела лужа; первая мысль Ники была об испорченном лаке. Потом мужчина повернулся боком и она увидела разрез над левым плечом.

Дора сняла с крючка железную линейку.

— Мы сегодня заняты.

— Мне нужен расходный том, — сказал мужчина через дверь.

Его голос был ровным, как у человека, который заранее выбрал, на что у него осталось сил. Кровь сбегала с пальцев левой руки. Под плащом Ника заметила серый служебный жилет, тонкую цепь у воротника. Так одевались старшие свидетели Палаты. Их видели на открытии мостов, при вы-

платах за шовные работы и у домов, откуда после увозили кого-нибудь без багажа.

— Скажите, какая женщина его принесла, — потребовала Ника.

— Таис Ро. Она сказала, что отдаст переплётчице с большими руками.

Дора выругалась.

Ника открыла дверь на ширину ладони.

— Моими руками всё в порядке.

— Она неточно выразилась.

— Где моя сестра?

Мужчина поднял глаза от порога. Серые, с красными прожилками. У виска к волосам прилип кусочек белой штукатурки.

— Как её зовут?

— Ада Ренн.

Он несколько мгновений молчал. Этого молчания оказалось достаточно, чтобы Ника потянула дверь шире и впустила его.

Мужчина споткнулся о сундук для обрезков. Дора подставила табурет, он сел и прижал плечо к косяку. С пальцев падали капли. Ника схватила чистую ветошь из корзинки, хотела отдать ему, но Дора перехватила ткань.

— Это для золочения, дурень. Вот эту можно. Как зовут?

— Марк Вейр.

— Чем распороли?

— Крюком на воротах.

— Крюк сам выскочил и распорол?

— Нет.

Ника стояла между ним и столом. Она не собиралась приносить книгу, пока он не ответит. На улице пробежал человек, следом загревели по настилу тяжёлые подошвы. Дора подтолкнула плащ Марка под скамью.

— Мне нужна страница, — сказал он Нике. — Таис должна была оставить восьмую расходную тетрадь.

— Сначала Ада.

Он сжал ветошь у плеча. Левой рукой он уже почти не двигал.

— Сейчас я могу сказать, что имя настоящее. И что том нельзя возвращать в Палату.

— Вы очень вовремя решили так сказать.

В дверь ударили кулаком. Угольный мальчишка, до этого устраивавшийся у печи, вжался в корзину. Снаружи мужской голос велел открыть мастерскую для осмотра. Ника видела через мутное стекло бронзовую застёжку на шапке. За первым человеком стояли ещё двое.

Дора положила железную линейку на стол, накрыла расходный том полотенцем, а сверху поставила тарелку с рыбой.

— Не смей сейчас падать, — тихо сказала она Марку. — У меня полы мыты.

Он попытался подняться.

— Сядьте, — приказала Ника.

И сама придвинула к нему ящик с тяжёлыми досками, закрывая от двери кровавую ветошь.

Глава 2 Восьмая тетрадь

Дора открыла дверь, не убирая цепочки.

— Рыба есть, — сказала она. — Книги завтра.

— Осмотр по распоряжению Палаты.

— Покажите распоряжение, я посмотрю. Умею читать, работа обязывает.

Снаружи развернули бумагу. Дора поднесла к стеклу очки, висевшие на груди. Ника видела, как двигается её рот: хозяйка читала вслух весь верхний ряд, включая имя бумажного поставщика. У Ники было примерно столько времени, сколько Дора могла изображать тугоухость.

Марк вынул из нагрудного кармана узкую пластинку в кожаном футляре и положил на ящик. Ника к ней не притронулась.

— Это подтверждение службы, — сказал он. — Пустите под корешок любого казённого переплёта. Он откроется по третьему креплению.

— А потом сюда придут ещё десять?

— За открытие обычно приходит один счётчик. Позже.

Ника вытащила из стопки книгу пошлин, которую переплетала вторую неделю. Ввела пластинку под кожу. Третья пряжка дрогнула, хотя остальные оставались затянуты. На латунном ребре футляра проступило имя: Марк Вейр, старший свидетель. К нему прилагался сухой хлопок, словно в

книге лопнул засохший пузырёк клея.

Он действительно служил в Палате. Это подтверждало только худшую часть рассказа.

— Зачем пришли?

— Том убрали из архива. Таис взяла его до уничтожения. Со служебных дверей сняли моё право, поэтому мне пришлось выйти через погрузочные ворота.

— За что сняли?

— Я отказался подписать распределительную ведомость.

Дора всё ещё читала у двери, теперь спрашивала, почему печать касается подписи. Угольный мальчишка полез из корзины. Ника знаком велела ему сидеть.

— В ведомости была моя сестра?

— Нет. Она новая. На предстоящую воду.

Пластинка в Никиной руке нагрелась. Чужое право не любило долгих прикосновений. Она вернула её и просунула под воротник Марка чистую тряпку.

— Если соврали, — сказала она, — Дора отдаст вас сама.

— Если не соврал, тоже может.

Марк попробовал улыбнуться, но губы побелели. Ника помогла ему снять служебный жилет и цепь, завернула их в старый фартук и сунула под полку с углём. Поверх разрезанной рубахи Дора бросила ему широкую рабочую куртку; перевязь скрылась под воротом. Ника опустила лампу. Его лицо скрылось в тени до подбородка. Она забрала тарелку, сняла полотенце с тома и откинула форзац.

Восьмая тетрадь состояла из четырёх сложенных листов. Слишком много, чтобы спрятать в рукав, и слишком мало, чтобы ради неё пустить по домам стражу. Внутри были записи, которые Ника не успела прочитать. Она подвела тонкий нож под старый шнур.

Книга тихо застонала.

Это случилось с помнящей бумагой: при неправильном разборе отдавалась чужая боль, вложенная в переплёт. Рабочие, оплачившие защиту расходной книги, давно забыли свои домашние вечера и первые заработки. В книге они ещё держали натяжение.

— Слева вторую петлю, — прошептал Марк. — Не первую. Первая связана с крышкой.

Ника проверила шнур шилом и только потом послушалась. Нож вышел чисто. Четыре листа легли на стол, стягивая на себе сырой воздух.

Снаружи начали трясти цепочку.

— Секунду, — крикнула Дора. — Сейчас сниму. У вас вооружённые люди, а у меня пальцы. Вам дольше собираться.

Ника скатала тетрадь вокруг сухой сетки. За поясом она колола рёбра. Она прижала вынутую тетрадь к рёбрам и вернулась к тому. Разорванные шнуры больше не держали остальной блок. Ника вывела их из крышки, вынула страницы вместе с внутренней марлей и опустила в ящик к угольному мальчишке.

— Под тобой теперь целая дамба, — сказала ему в ухо.

— Не ёрзай.

Он энергично перестал ёрзать.

На соседней полке лежал ненужный блок старых пошлин, того же размера и почти той же толщины. Ника втиснула его в настоящую казённую крышку, закрыла заглавие чистым обрезком и прихватила тесьмой. Шить уже не успевала. Верхний железный уголок отделился вместе с куском старой кожи; она сунула его в карман. У опытного переплётчика подмена не прожила бы минуты. Она надеялась, что стражники разбираются в другом.

Дверь открылась.

Вошедший первым мужчиной был рыжим, с обветренной шеей и мокрыми усами. На поясе висела короткая дубинка. Он оглядел стол, Дору, ящик с обрезками. Остановился на Марке.

— Кто это?

— Заказчик, — сказала Ника. — У него соскочил крюк на воротах.

— На каких?

— Разве у нас у каждого ворот разные крюки?

Рыжий двинулся к нему, но Дора встала поперёк.

— Он должен мне три колечка. Обыскивайте сколько угодно, но если заберёте — оплатите долг.

Стражник поморщился. Второй, молодой, остался у порога; третий пошёл в заднюю комнату. Оттуда донёсся звук открываемой хлебницы.

— Это хлеб! — крикнула Дора.

Рыжий показал Нике бумагу. В ней требовалось изъять расходный том Южного затвора и задержать старшего свидетеля Марка Вейра. При нём следовало найти служебный футляр с именной пластинкой; иных примет писарь не указал. Имя стояло ниже строки печати, под складкой. Ника заставила себя просмотреть текст до конца. Нарочно задержалась на расценках за порчу имущества.

— Книга вот, — сказала она. — Принесли час назад. Женщина обещала забрать вечером.

Рыжий потянулся к тому. Под крышкой хрустнул старый клей. Ника удержала его рукой.

— Ещё не просохло. Раскроете — будете оплачивать ремонт.

— Всё у вас оплачивать.

— Мастерская.

Он взял книгу за нижний край. Верхний угол без железа отогнулся.

— Здесь было разбито?

— Оттого и принесли.

Молодой у двери закашлялся. Ника почувствовала, что тетрадь под поясом сползает. Она поставила ногу на нижнюю перекладину стола и прижала живот к доске.

Рыжий развязал на книге тесьму. Ещё немного — увидит не тот шов, не те страницы. Ника вынула из кармана уголок и бросила его на пол рядом с ботинком. Железо звякнуло.

— Смотрите, уже отвалилось. Держите ровно.

Он выругался, нагнулся. Дора подхватила книгу, обмотала толстым полотенцем, завязала узел так, что быстро развязать было невозможно.

— Здесь счёт на ремонт. Передайте начальству, что осмотр оплачиваться будет отдельно.

Из задней комнаты вышел третий стражник, пожилой, с бритыми щеками. Он посмотрел на Марка. Тот сидел неподвижно, опустив голову, и держал здоровой рукой порванный оттиск жития. Ника подложила его незаметно для себя и сама уже забыла когда.

— Рука, — сказал пожилой.

Марк поднял правую, не сдвигая рукав с запястья.

— Другая.

Дора стянула край полотенца.

— Эта пока у меня в починке.

Пожилой сделал шаг к Марку. Ника увидела на его ремне фамилию, мелко вытисненную в служебной коже: ИЛЬС. Почти стёртую от живота. Она не знала, зачем запомнила.

Пожилой заметил на полке книгу заказов и вынул её.

— Этих тоже посмотрим.

Дора протянула руку за ней, но стражник поднял книгу выше. Под его пальцами обложка промялась. Ника ощутила это в своих ладонях: привычка видеть плохое обращение с переплётом оказалась сильнее страха. Она отняла пальцы от стола, чтобы не шагнуть вперёд.

— Смотрите, — сказала хозяйка. — Только листайте за угол. Всё, что оторвёте, внесу в тот же счёт.

Он открыл середину, прочёл несколько заказов. Помянутые там портной, бакалейщик и доктор ничем ему не помогли. Дошёл до конца. Последняя запись всё ещё состояла из двух слов: «Расходный том». Ни имени, ни адреса. Незнакомка сама лишила его нужной строки, но стражнику это не понравилось.

— Кто приносил?

— Женщина, — сказала Дора. — Не представилась.

— Возраст? Волосы?

— На ней была шляпа. Обычно волосы под ней, но я могу ошибаться.

Он медленно повернулся к Нике.

— Вы приняли?

Она кивнула.

— Лет сорок. Серое пальто. Костяные пуговицы. Без левой перчатки.

Ника говорила правду и ждала, когда правда заставит его посмотреть ей на пояс. Ей казалось, что выступ мокрой тетради видно даже под фартуком. Марк сидел в тени; здоровая рука сжимала край жития. Стражник сделал несколько пометок на обороте распоряжения.

— Речь? Верхняя? Нижняя?

— Обычная.

— Без замечаний?

Ника заставила себя задуматься, словно могла вспомнить. На самом деле она слышала только два знакомых слова: Южный затвор.

— Сказала, что заберёт до колокола.

— И больше ничего?

— О цене спорить не стала.

Дора громко вздохнула.

— Лучший клиент за месяц. Мне его теперь задерживать, если вернётся?

Пожилой открыл рот, но рыжий в дверях перебил: потребовал осмотреть кассу. Дора посторонилась с таким видом, будто согласилась отдать ему единственное дитя. Из-под крышки показались серебряные кольца незнакомки.

— Пять? — спросил рыжий.

— Срочная работа.

— За разрыв?

— За то, чтобы потом он не повторился. Если бы вы знали дело, вы бы сейчас просили иглу, а не смотрели на деньги.

Рыжий пересыпал монеты. Одна упала в щель. Он склонился; Марк медленно отнял от лица ладонь. Ника заметила на коже свежую кровь. Ещё одно движение — и её увидят. Она передвинула на краю стола стеклянный пузырьёк с красной краской. Локтем задела, уронила на доску.

Пузырёк разбился. Рыжий отшатнулся. Краска потекла по краю, капнула на его голенище.

— Стоять! — рявкнул он.

Ника подняла обе руки, испачканные красным.

— Стою. Тряпку можно?

Дора принесла ветошь. Всю последнюю минуту Ника запомнила руками: как широкая ткань легла на стол, закрыла маленькое кровавое пятно у ящика; как Дора подала второй кусок Марку, не глядя; как она сама вытерла ладони, а потом край пузырька, чтобы не порезаться. Пожилой держал книгу заказов в двух пальцах, спасая от брызг.

— Уберите ноги, — сказала Ника рыжему. — Она до вечера не отмоется, если наберёте в шов.

Он послушался. Несколько капель уже растеклись возле шва. Ника взяла ветошь, готовясь опуститься перед ним на колени: пока она отмывала бы казённый сапог, остальные всё равно продолжали бы обыск. За дверью забили в металлическую чашу. Двое на улице закричали, потом раздался треск дерева. Водонос и возчик всё-таки решили разъехаться одновременно. Лошадь пятилась в оглоблях, бочка катилась к лестнице.

Рыжий бросился наружу. Пожилой задержался, глядя на плащ под скамьёй. Он велел молодому осмотреть его; тот вывернул пустые карманы. Футляр лежал под обрезками у Никиных ног. Ника подвинула к нему счётную дощечку.

— Вы старший? Подпишите приём.

— Старший у ворот.

— Значит, зовите его.

Он с досадой вывел на дощечке две буквы.

— Я доложу старшему. Парень останется у двери. До проверки книги мастерскую не закрывать. И этого заказчика мне потом покажете.

Молодой стражник встал у крыльца, лицом к улице. Дора опустила цепочку. Из заднего двора на входную дверь никто не смотрел.

В мастерской никто не говорил. Клей в печной нише пузырился; Ника вдруг поняла, что задёрнула лампу слишком близко к корешкам.

Марк первым открыл глаза.

— Книгу унесут к Варну. Подмену найдут быстро.

— Им сейчас до неё добираться через три узла, — сказала Дора. — Я старалась.

Угольный мальчишка полез из ящика. Он держал под рубахой обрезок кожи.

— Можно?

— Бери, — разрешила хозяйка. — За молчание. И возьми рыбу, а то сегодня все помрут с голоду, исключительно из соображений тайны.

Он получил свёрток и выскользнул через чёрный ход. Дора открыла его ещё раз, осмотрела пустой двор.

— Вам двоим тоже туда.

— Я ещё не закончила, — сказала Ника.

— Ты закончила работать на сегодня. Может быть, на неделю, если эти вернутся с умным человеком.

— Книга...

Дора обернула оставшийся блок в мешковину и опустила в короб с ненужной бумагой. Потом насыпала сверху золу из поддувала.

— Теперь это моя книга. От старости сгорела. Своё унесла?

Ника кивнула. За поясом стало мокро от холодной бумаги.

— Нужно предупредить Тима.

— Вот и предупреждай. Сначала воротник застегни, у тебя этот самый твой секрет на боку торчит.

Марк попытался забрать пластинку со стола. Пальцы его промахнулись. Ника вложила футляр ему в ладонь.

— Вам надо к лекарю.

— Да. Но до колокола надо уйти с острова. Вы можете остаться у брата.

Ника посмотрела на отметку под манжетой его правой руки. Отпечаток Палаты выглядел свежим, тёмно-синим, будто его поставили утром.

— Покажите, что на восьмом листе, и тогда решу.

Дора достала из кассы два серебряных колечка. Одно сушила Нике, второе Марку.

— Ссуда. Под честное слово, бесполезнейшего залога ещё не придумали. И не ведите их обратно во двор.

Она подвела Нику к сушильной раме, вынула из-за балки её старый рабочий плащ. Поддержала за рукав дольше необходимого.

— Чужой след легко перепутать с тем, чего очень хочется,

— сказала Дора. — По одной букве не верь.

— Я прочла обе.

— Тогда проверь третью.

Ника взяла с полки короткую иглу в деревянном чехле. Дора посмотрела на неё и отвела глаза.

Во дворе ждали пустые бочки. Между ними пролегал узкий проход к водосточной лестнице. Марк пропустил Нику вперёд; за спиной она услышала его короткий вдох, когда он приподнял левый локоть. Он не попросил опереться. Ника вернулась на две ступени, забрала у него футляр и застегнула в собственном кармане.

— За вами очень неудобно следить, — сказала она. — От крови ступени скользкие.

Он прижал ткань плотнее и пошёл следом.

Глава 3 Собственный ключ

В насосной было жарче, чем на кухне у Доры, и гораздо громче. Три колеса вращались под потолком, ремни хлопали по направляющим. Над входом сохли шесть рубаш. Никто из людей внизу рубаш не носил.

Ника отыскиала Тима по знакомому движению: он подпирал большим пальцем нижнюю губу, разглядывая что-нибудь, достойное презрения. Сейчас это был гнутый клапан.

— Если тебя ещё раз смазывали рыбьим жиром, — говорил он детали, — я от тебя откажусь.

— Попробуй от меня откажись, — ответил из-под верстака толстый человек. — Я тебя заберу с собой. Кто принесёт ключ?

— На лавке.

— На лавке пять ключей!

— Значит, мы богаты.

Ника остановилась в дверях. На брате были её старые подтяжки и совершенно чужие брюки, широкие в поясе. Под кожаным ремешком на правой кисти белел ожог. От этого пятна ей всегда хотелось проверить, двигаются ли его пальцы, хотя ожог случился четыре года назад, а Тим успел с тех пор разобрать половину их домашней утвари.

Он заметил её, улыбнулся и сразу посмотрел на Марка.

— Я здесь, — сказал Тим. — Ты ведь это проверяла?

— Я хотела предупредить.

— О чём?

— У Доры был обыск.

Толстый человек высунулся из-под верстака. Ника узнала мастера Келя. Он учил брата с тринадцати лет и называл её «мамашей», пока однажды не получил за это корзинкой по уху.

— Тащить его сюда было не лучшей мыслью, — сказал Кель, посмотрев на плечо Марка.

— Мы уходим.

— Туда и идите. Во двор. Там бельё, вас прикроет.

Кель встал, тяжело кряхтя, взял из ведра свежую ветошь и сунул Нике. Марку он дал воды. Ничего не спросил.

Во дворе Тим отвёл их в бывшую дровяную пристройку. Ника никогда раньше внутри не была. Стены обшили тонкими досками. Вместо дров стояли верстак и узкая кровать. На полке у изголовья лежали часы без корпуса, кружка с синим краем и книжка о мерах давления. Под одеялом виднелся свёрток с новыми инструментами.

— Ты здесь ночуешь?

— Иногда.

— С каких пор?

— Со вторника.

— Сегодня шестой день.

— Значит, почти неделю.

Ника смотрела на кровать. Последние несколько ночей

она возвращалась от Доры поздно, а Тима утром уже не заставала. Решила, что он спит в мансарде и уходит раньше неё. На мансарде всё ещё стояла миска, которую она принесла ему позавчера.

— Кель тебе разрешил?

Тим потянулся к шкафчику, вынул из замка ключ и показал ей.

— Он сдаёт. Мне. За работу. Деньги тоже берёт, чтобы я, упаси вода, не подумал, будто он добрый.

— Там сквозняк под крышей.

— Я заделал.

Ника дёрнула рукой к стене и остановилась. За её спиной Марк опустился на перевёрнутый чурбан. На испачканном рукаве темнело всё больше.

Тим вытер ладонь о брюки и перевернул дощечку, на которой рисовал маршруты. Под ней обнаружился чистовой чертёж небольшой помпы. Ника узнала его старую манеру обозначать давление: маленькими ступенями вдоль трубки. У Келя учили иначе, кругами. Брат сохранил свой способ.

— Это тебе заказали?

— Пока нет. Сделаю образец.

— Из чего?

Он открыл низкий ящик. Внутри лежали шестерёнки, две ровные медные трубки и клапан с аккуратно притёртым седлом. Ника знала, сколько стоила такая медь. Когда-то Тим приносил домой каждый заработанный медяк, и они вместе

составляли список покупок. Потом перестал. Она решила, что деньги уходят на сапоги, друзей и дешёвое вино у ремонтников.

— Собирал по частям, — сказал он. — Полгода.

— Я не спрашивала.

— Ты сейчас как раз собиралась.

Ника закрыла рот. Марк у стены разглядывал окно с таким усердием, будто за ним происходило редкое небесное явление.

В дверь поскреблись. Вошла пожилая женщина, держа на груди завёрнутый в платок круглый предмет.

— Кель сказал, вы здесь. Вот. Опять стало свистеть.

Тим взял свёрток. Внутри оказался маленький меховой насос для ножной грелки. Ника знала женщину по рынку, но та прошла мимо неё, не узнав, целиком сосредоточившись на брате.

— Я ставлю у стула, — объясняла она. — Вроде ровно. А потом опять. Кот ложится на шланг. Может быть, из-за кота?

— Кот тяжелее вас?

— Не намного. Он у меня приличный.

Тим наполнил мех воздухом, зажал выход большим пальцем. Прислушался. Ника сама услышала тонкий свист у основания трубки. Герметик высох и отслоился; простого прижима хватило бы на день.

Брат поступил иначе. Снял кольцо, вынул трубку, зачистил край маленьким скребком. Взял другую прокладку из

отделения, где хранил лучшие детали, подрезал по окружности, смазал. Движения были спокойные, экономные. Он не спрашивал у Келя, правильно ли делает, не звал сестру придержать.

Женщина стала рассказывать, как однажды её муж пробовал согреть ноги у открытой печки и подпалил чулок. Тим улыбался в нужных местах, проверяя мех. Передал ей насос, показал, где лежит выпускной клапан.

— Эту часть под стул. Коту оставьте мех. Он его не продавит, а сюда пусть не добирается.

— Сколько с меня?

— За прокладку. Работа прошлая ещё на гарантии.

Она заплатила медным кольцом и долго благодарила. Ника отодвинулась, пропуская её в дверь. Женщина заметила Марка, ахнула при виде плеча, пообещала прислать знакомого лекаря. Тим сказал, что они сами разберутся. Она ушла, обернув насос ещё одним слоем платка.

Ника посмотрела на отделение с прокладками. Их осталось две.

— Мог бы просто подтянуть.

— Мог.

— Ты поставил ей новую.

— Потому что старая вылезла бы через два дня. Она бы замёрзла и пришла снова. А я не хочу всю жизнь чинить одно и то же место.

Он сказал это про трубку, совершенно ясно. Ника услы-

шала и другое, возможно несправедливо. Её брату надоело постоянно возвращаться в ту комнату, где она ставила ему еду, проверяла, укрыт ли, и оставалась старше всех живых Реннов. Здесь у него была собственная гарантия на работу и собственная полка для медных деталей.

— Красивая помпа, — сказала она, показывая на чертёж.

Тим не сразу ответил. Потом взял дощечку, прислонил к стене, чтобы не запачкалась.

— Посмотрим, что скажешь, когда заработает. — У тебя есть игла? — спросила она.

— Для ткани или чтобы кому-нибудь сделать больно?

— Для ткани.

— Тогда нет. Что произошло?

Ника рассказала о женщине, о книге и имени. Когда дошла до Ады, Тим прислонился к верстаку. Перестал возиться с клапаном, зажал его в ладони. Марк сидел опустив голову.

— Покажи, — сказал брат.

Она вытащила влажную тетрадь. Листы выгнулись по месту сгиба, где прошёл разрез. Тим принёс ровную доску. Ника раскрыла четвёртый разворот и подставила его дневному свету.

— Здесь её фамилия. Ниже имя.

Тим наклонился, положил обожжённую кисть на стол, не касаясь бумаги.

— Я ничего не вижу.

Ника взяла его указательный палец и направила к краю

поля. Он убрал руку.

— Скажи словами.

Она назвала буквы, потом дату. Тим молча сверил день с собственными пальцами. Когда Ада исчезла, ему было одиннадцать. Он помнил, что сестра принесла к ужину вишнёвый пирог с подгоревшим низом и пообещала объяснить ему, как считают высоту затвора. Ника запомнила другую подробность: Ада сердилась, что кто-то забрал её щётку для волос.

— А там не может быть так, — спросил Тим, — что она просто считала расход?

— Может. Поэтому надо узнать.

— Это я понимаю. Я спрашиваю, на что ты надеешься.

Ника стянула листы ровнее.

— Найти её.

Марк поднял голову.

— На обороте маршрут. Нижний шлюз, затем проход к старому сборному архиву. Там можно сопоставить номер расхода с назначением.

— Вы кого уговариваете? — спросил Тим. — Её или себя?

— Я объясняю, где искать.

— А кто вы такой?

Марк назвал. Тим протянул ладонь, получил футляр и проверил его на маленьком казённом справочнике, которым подпиралась ножка кровати. Право сработало. Брат посмотрел на Нику. Она поняла по его лицу, что они думают об одном: Ада работала среди людей, которым тоже открывались

эти замки.

— Я пойду с вами, — сказал Тим.

— Нет.

Он усмехнулся так, что Ника услышала себя десятилетней давности.

— Ты сказала это ещё до того, как я закончил.

— У тебя работа.

— А у тебя? У меня выходной с трёх. Ещё есть ноги и руки, если ты не заметила.

— Тебе девятнадцать.

— Вот именно. Запиши где-нибудь, вдруг забудешь.

Они помолчали. Под крышей стукнул ремень: насос поймав полный ход. Ника складывала тетрадь слишком тщательно, и Тим не мешал ей, только крутил ключ вокруг пальца.

— Воротами уже перекрыли два прохода, — сказал Марк.

— Троих заметить проще. И вам нужны сведения о нижних механизмах. Отсюда их легче получить.

Тим выслушал его, затем повернулся к Нике.

— Если я останусь, то потому, что так полезнее. Ты за меня не решаешь.

— Хорошо.

— Скажи нормально.

Она взяла воздух, словно собиралась нырнуть.

— Ты сам решаешь, Тим. Прости.

Он перестал крутить ключ. Взял с полки серую тетрадь,

вырвал чистый лист, набросал на нём два прохода через набережную. Потом добавил третий, перечеркнул первые.

— После полуденного колокола эту калитку закроют, а нижний насос ещё будут запускать. Пройдёте через водомерный двор. Скажете, от Келя за стопорными кольцами.

— Нам нужна лодка, — сказал Марк. — Юна ещё у солёваров?

Тим недоверчиво взглянул на него.

— Откуда вы её знаете?

— Иногда приносил ей неприятности.

— Тогда да, это вы. Она недавно вашу фамилию употребляла в разных сочетаниях.

Брат вытянул из кармана карманные часы без стекла. На обороте была царапина, похожая на рыбу.

— Юна ждёт, когда закончу. Пока отдай так. Там ход только на три часа, пусть не заводит до упора.

— Она доведёт? — спросила Ника.

— Если заплатите.

* * *

Юна Таль сидела на перевёрнутой лодке, поджав ногу, и ела варёное яйцо над раскрытой картой. Скорлупа падала на нарисованный Верхний остров. У причала покачивалась длинная лодка с зелёным бортом. Название «Крапива» написали на носу жёлтой краской, а под буквами кто-то изобразил очень довольную жабу.

— Скажи, что принёс деньги, — обратилась Юна к Марку.

— Принёс часы.

— Часы привела она. Ты принёс дырку в плече.

Ника передала часы, назвала себя. Юна стёрла с пальцев соль, оценила царапину на корпусе.

— Брат обещал стекло.

— Он сказал, не заводить до упора.

— Я тоже много чего говорю. Люди всё равно делают по-своему.

Она спустилась на настил. Присела у Марка, отняла на мгновение его руку от плеча и велела прижать обратно.

— Глубоко?

— Кажется, крюк прошёл вдоль мышцы.

— Кажется тебе. В нижние шлюзы в таком виде не пустят. Будешь кивать, будто выпил.

Цена составила два серебряных колечка, новую шестерню для лебёдки и тридцать минут помощи при разгрузке. Два колечка были всеми деньгами, которые дала Дора. За шестерню Ника сначала пообещала от имени Тима, затем прикусила язык.

— Я спрошу брата. Или оплачу позже.

Юна взглянула на неё внимательнее.

— Ну вот, начало делового разговора. Серебро вперёд. Шестерня — после отдельного согласия механика. Если откажется, принесёте мне рабочую куртку из промасленной ткани. Без дырок под мышками. И будете сами тащить рулоны.

— Какие рулоны?

— Которые в лодке. Это входит в тридцать минут.

Ника заплатила. Монеты исчезли в кармане Юны, который застёгивался на чужой герб. Лодочница шагнула в «Крапиву», высвободила верёвку.

— До какого места?

Марк назвал номер служебного прохода. Юна остановилась.

— Архив? С закрытой стороны?

— Да.

Она подняла с карты яйцо, так и не доеденное, и бросила в воду чайке.

— Ладно. Но после заката я вас оттуда не жду. На старом причале сгнил настил, а официальные фонари сняли. Подождёте лодочника — провалитесь вместе с ним. Обратно пойдёте пешком.

Ника села у носа, уложила тетрадь в жестяную коробку для чая, которую Юна молча подвинула ей ногой. Марк спустился, держась правой рукой за борт. Лодка ощутимо накренилась. Ника поймала его за локоть, он сразу вернул равновесие и отпустил её пальцы.

На берегу показался Тим. Он нёс свёрток и бежал с таким видом, будто собирался успеть вслед за уже ушедшим человеком.

— Еда! — крикнул он.

Юна подхватила свёрток на лету. На Нику упала краяха

хлеба, завёрнутая в носок.

— Чистый! — успел добавить Тим.

Она посмотрела на него. На рубахе брата качался ключ от собственной комнаты. Ника подняла руку, показывая, что поняла. Тим махнул в ответ, потом резко повернулся и пошёл к насосной, уже думая о чём-то своём.

Глава 4 Человек у ворот

У Нижнего шлюза воду держали двумя воротами и полотнищем соляной бумаги между ними. Полотнище, натянутое на дубовую раму, было испещрено латками. Ника увидела, что нижний угол пришит слишком туго. При следующем подъёме он порвёт соседний край.

Юна причалила к лестнице и сунула ей верёвку.

— Держи. Не за петлю, за конец. Если потянет, отпусти.

По другую сторону ворот ждали баржи, нагруженные досками. Мужчины стояли по колено в воде и ругались на управляющего, сухого человечка в высоких сапогах. Его сапоги оставались сухими по колено.

— Очередь будет общая! — кричал он. — Сначала казённый груз!

Ворота не открывались. Из приёмной рамы, висевшей над пультом, стекала мутная вода. Одно из воспоминаний в шве размывалось; такие вещи можно было узнать и без Никиных пальцев. На потёке возникало и пропадало изображение дверной ручки.

Пожилой сторож держал над рамой тесак. Ника сошла на лестницу, привязала «Крапиву» и поднялась к нему.

— Нельзя рубить, — сказала она. — Там только край разошёлся.

— Я трос перережу. Отпустим вторые вручную.

— Первые держат всё давление. Вы их сложите.

Сторож раздражённо повернулся к управляющему.

— Говорил, надо было утром ремонтировать.

— Я разрешение запросил! Без свидетеля вклады не принимают!

Юна подвела к ним Марка. Он уже держал служебную пластинку в правой руке.

— Свидетель есть, — сказала она. — Переплётчица тоже. У вас будут ещё возражения или мы перейдём к материалу?

Управляющий посмотрел на жилет, на пластинку, затем на кровь, просочившуюся под воротником. Последнее он предпочёл не заметить.

— Бумага во втором ящике. Только казённый учёт...

— Потом учтёте, — сказала Ника.

Она сняла рабочий плащ. На настиле валялись щепки, в щели между досками блестела вода. Сторож принёс короб с бумагой и почти полный моток льняной нити. Бумага оказалась сухой, хорошей, но нарезанной поперёк волокна. Ника сразу отложила половину: при нагрузке не выдержит.

Для ремонта требовалась память. Ника могла бы вспомнить тёплый хлеб у Тима, но это едва держало бы оторванную этикетку. Воротам требовался настоящий человеческий вес.

Сторож оглядел очередь. Ника знала это движение. После него обычно наступало молчание; человек вспоминал, сколько уже отдал на город, сколько осталось для себя, и начинал

смотреть в воду.

— Я, — сказал бородатый лодочник с первой баржи.

Управляющий поспешно вытащил формуляр. Лодочник снял шапку, вытер лоб. Под бородой у него было ещё молодое лицо.

— Какое воспоминание? — спросил Марк.

— Когда дочь пошла. Первые шаги. Дома, от печи к матери.

Женщина на барже вздрогнула.

— Ост, ты что?

— Я знаю.

— Ты отца уже отдал. Его возвращение.

— Знаю, Вера.

Она подошла ближе, держа в руках пелёнку. Ребёнок на её груди спал, уткнувшись в ворот. Ника держала иглу над бумагой и смотрела на женщину. Ей хотелось найти другое решение, но за воротами скрипнуло ребро баржи. Вода поднималась быстрее, чем полагалось таблице: от прилива ещё было рано, зато ветер загонял её между островами.

— Можно отказаться, — сказал Марк. — Пока я не подтверждаю, ничего не произойдёт.

Лодочник поднял руку.

— Я добровольно отдаю первые шаги нашей дочери. Её зовут Мила. Был дождь. Вера поставила ведро под крышу, и Мила решила, что оно стоит затем, чтобы в него залезть.

Женщина отвернулась. Ника пропустила нить через ла-

точный лист. Лодочник приложил к нему два пальца. Марк подтвердил имя и память. Слов было мало, они не напоминали молитву; свидетель должен был услышать согласие, проверить, что человек понимает потерю, и связать заявленное со следом.

На бумаге проступило кольцо от ведра. Затем исчезло. Лодочник моргнул, поглядел на жену.

— Всё?

Она кивнула.

— Помнишь? — спросил он.

— Я помню.

Ника вшила латочный лист в раму. Память легла неровно, потому что нижний край ещё тянуло. Она разрешила слишком короткую нить, добавила свободную петлю. Сторож держал фонарь над самым затылком; от жара волосы начали пахнуть палёным.

— Чуть выше, — сказала она. — Не надо меня жарить.

Марк, стоявший сбоку, поднял фонарь правой рукой. Левый он всё ещё придерживал повязку. Когда последняя петля встала на место, вода ушла из рамки тонкой струйкой. Нижние ворота заскрежетали.

Ника выпрямилась. Перед глазами на миг прошли первые шаги чужого ребёнка — только рисунок движения, без радости и страха. Она не присвоила отданного. В шве осталось ровно столько, сколько требовалось для удержания ворот.

Она на мгновение поднесла иглу к свету. В ушке застряло

распухшее волокно; если оставить, следующая нить начнёт перетираться ещё до узла. Ника вытащила его ногтем, тщательно уложила иглу в чехол. Такие мелочи не требовали ни свидетеля, ни платы, зато забывать их было опасно. На шлюзе нельзя было надеяться, что хороший вклад исправит плохое отверстие.

Юна заметила, как Ника рассматривает свой палец.

— Сильно?

— Терпимо.

— Ты не обязана делать вид, что тебе не больно. Я лодку медленнее не поведу, но хотя бы поворачиваться будешь вовремя.

Ника кивнула. Под тканью ладони пульсировали, словно в них ещё держалось давление ворот. Она смотрела, как сторож наносит на раму дату следующего осмотра. Попросила прибавить возле неё маленький знак разрезанной петли. Он понял, нарисовал углём и показал издали. Теперь мастер, который придёт завтра, будет знать, куда сначала поставить руку.

— Прочтёт? — спросила Юна.

— Если нет, пусть меня позовёт. Я бы сама себя за такую работу сняла.

Лодочница хмыкнула. Ника опустила руки на сухую скамью и больше не пыталась продолжать ремонт из лодки. Управляющий уже подсовывал Марку формуляр. Подпись вышла неровной. Бородатый лодочник вернулся на баржу, а

жена положила ему ладонь на затылок и долго не убирала.

Перед открытием управляющий остановил лодку. Встал поперёк настила, поднял свой формуляр и заявил, что подпись добровольца должна быть подтверждена при двух слушающих. Лодочник Ост смотрел на ворота; вода под его баржей всё ещё толкалась, и канаты стонали.

— Двое есть, — сказала Юна. — Ты и сторож.

— Сторож не уполномочен на приём человеческого вклада.

— Он только что держал бумагу, пока она шила. На пальцах у него соли больше, чем на твоём бланке.

Ника вышла из лодки обратно. У неё сильно болели колени после работы на настиле, но ещё сильнее хотелось встряхнуть управляющего за сухую манжету.

— Что требуется?

— Формальная запись. Во избежание претензий. Люди потом говорят, что не знали, что потеряют.

Ника оглянулась на Оста. Тот держал шапку, мял околыш. Жена стояла рядом, поправляя край пелёнки. Она посмотрела на управляющего так устало, что он отвёл взгляд.

— Он знал, — сказала Ника. — Я слышала, ваш свидетель слышал. Запишите мои имя и мастерскую.

Марк подошёл следом.

— Ремонт произведён в условиях непосредственной угрозы. Применяется краткая форма. Я заверю подписи позже, когда вы укажете ответственного за просрочку замены по-

лотна.

Управляющий опустил бланк на палец.

— Это было в запросе.

— Тогда приложите запрос.

После этой просьбы нашлась краткая форма, лежавшая в другом ящике. Сторож расписался кривыми печатными буквами. Ника тоже поставила имя. Ост держал перо неуверенно, всё время смотрел на жену.

— Мы так и не узнали, — сказал он ей, — она сама решила пойти или ты позвала?

Женщина вытерла свободной рукой щёку.

— Я не звала. Ты увидел первым.

Он кивнул. Сосредоточенно повторил, словно учил слова из чужого письма:

— Я увидел первым.

Ника стояла рядом и не могла сделать шаг. Он уже понимал факт. Через год, если запишет, сможет рассказать его дочери почти правильно: она шла к ведру, мать держала руки наготове. Но в рассказе не окажется того рывка радости, который он отдал воротам. Ни одной дрожащей секунды его собственного ожидания.

Вера поднесла ребёнка к его лицу. Мила проснулась и недовольно потянулась к бороде. Ост наклонился, поцеловал её лоб. Память об этом утре ещё принадлежала ему. Ника заставила себя отвернуться, чтобы не смотреть так пристально, будто проверяла оплаченную вещь.

Управляющий сложил формуляры в футляр. Она задержала его за край рукава.

— На нижнем сгибе оставьте свободный ход. Я показала сторожу. Если снова перетянете, порвётся выше.

— Я не занимаюсь натяжением.

— Тогда скажите тому, кто занимается. Это дешевле следующего воспоминания.

Он хотел возразить, но сторож уже кивнул: услышал. Ника вернулась в лодку. Юна молча подала ей весло, чтобы опереться при спуске.

Марк сел напротив. Она вдруг заметила, что у него тоже дрожит здоровая рука. Неясно было, от потери крови, от напряжения после подписи или от слов лодочника. Ника не спросила. Сложила нить в карман и пересчитала оставшиеся иглы.

— Воды? — предложил он.

Она выпила из фляги, вернула. На латунном горлышке осталась красная ниточка из её перчатки. Марк снял её, не бросил в канал — спрятал в карман вместе с мелким мусором, накопившимся за день. Это была бессмысленная маленькая бережливость. От неё Ника почему-то перестала злиться на его ровный голос, хотя причин для злости хватало. Когда «Крапива» прошла под поднятыми воротами, на противоположном берегу началась ссора.

Женщина в красной юбке держала за руку мальчика. Он вырывался, выкрикивая, чтобы она отпустила. Другой рукой

женщина вцепилась в рукав стражника.

— Его отец в суконном ряду! Вы позовите Гера! Он меня узнает!

— Сначала отпустите ребёнка, — сказал стражник.

— Это мой сын!

Мальчику было лет семь. Он плакал от страха, но смотрел женщине прямо в лицо. Оттого Ника сразу поняла: дело не в том, что он её не видит. Видел слишком хорошо — чужую взрослую, которая почему-то требовала быть его матерью.

Юна притормозила веслом.

— Не задерживайся.

Ника уже ступила на нижнюю лестницу.

У женщины расплзалась синяя печать на запястье. Края побледнели, центр ещё держался. Она вытащила из кармана вязаную рукавичку, тыкала ею в мальчика.

— Я сама вязала. На мизинце жёлтое, помнишь, синей не хватило. Ты сказал, пусть будет как птичий клюв!

Ребёнок посмотрел на рукавичку и перестал вырываться. Потом стражник повторил, чтобы женщина отпустила, и он снова заплакал.

Ника опустила перед ним.

— Как тебя зовут?

— Сеня.

— А её?

— Не знаю!

Женщина закрыла рот ладонью. Другую руку всё-таки

разжала. Ника взяла рукавичку, перевернула наизнанку. Там было зашито имя. От букв остались короткие цветные хвостики. Ника прижала к ним палец. Очень осторожно, потому что рука после шлюза горела.

Лена.

— Лена, — сказала она. — Вас зовут Лена?

Женщина кивнула, не отнимая ладони от губ.

Ника взяла её за запястье, положила рукавичку между их пальцами.

— Держите. Говорите с ним о том, что делали вместе. Одну вещь. Не много сразу.

Лена начала рассказывать про собаку с обломанным хвостом, которая зимой украла у них рыбу. Сеня слушал; он почти перестал плакать. Ника чувствовала, как в рукавичке натягиваются уцелевшие нитки. Записи не возвращались, зато время между ними стало плотнее, устойчивее.

Марк поднялся с лестницы. Положил руку на перила.

— Нужен третий, — сказал он тихо.

— Мальчик знает.

— Он сейчас не может подтвердить. И мы должны знать конкретную память через след, каждый сам. Ника, здесь нет общего узла. Мы только задерживаем.

Стражник подошёл ближе.

— Свидетель? Вы можете объяснить, чья женщина?

— Своя, — резко сказала Ника.

Марк назвал номер своего права и велел оставить Лену до

следующего колокола в сторожке. Проверить суконный ряд. Найти мужа. Пока ещё можно было собрать людей, которые держали её имя.

— Это приказ? — спросил стражник.

— Служебное требование свидетеля при споре о родстве.

Тот с сомнением посмотрел на его плечо, но открыл дверь сторожки. Сеня первым сел на лавку. Лена устроилась на другом конце, не приближаясь к нему. Между ними легла рукавичка.

Ника хотела остаться. Юна постучала веслом о камень, а с верхней площадки донёсся голос управляющего: он звал Марка сверить подпись. Из-за угла уже шли двое людей в форме.

— Если они задержат тебя, — сказал Марк, — ты ей больше не поможешь.

Ника посмотрела на Лену. Та вытерла лицо краем платка и кивнула ей. Благодарностью этот кивок не был: женщина просто видела, что у Ники нет ещё двух рук.

В лодке Ника положила пальцы в воду. Холод больно ударил под ногти. Марк сразу подвинул ей сухую ткань.

— Не держите в солёном, трещины откроются.

Она вытащила руки и вытерла. Ворота за спиной опускались. На пульте теперь держалась память лодочника, а у сторожки сидела женщина, у которой отняли всё разом. Ника знала, как заплатили за бумагу, и по-прежнему не понимала, зачем там понадобились человеческие имена.

— Что с ней сделали?

Марк смотрел на оставшуюся за кормой лестницу.

— Её вычеркнули из государственной книги. Целиком.

Ника повернулась к нему, ожидая продолжения.

— Кто?

— Палата.

— Ваша Палата.

Он кивнул.

Юна молча дала лодке больше хода. Шлюз остался позади; между складами открылась узкая полоса дневного моря.

Глава 5 Товар без запаха

Рынок воспоминаний располагался под навесами бывшей рыбной сушильни. На крыше всё ещё торчали шесты, но теперь на них сушили бумагу: прямоугольники с зубчатыми краями, мелкие полосы для лодочных швов, дорогие листы с тонким водяным рисунком. У входа висела доска с расценками. За детский день рождения давали меньше, чем за смерть близкого. Под доской женщина продавала горячую репу, посыпая её одной и той же солью для взрослых и детей.

Юна завела лодку в щель между сваями и погасила носовой фонарь, хотя до сумерек оставалось несколько часов.

— Выгрузим, — сказала она. — Потом ходите где угодно. Только в конторку с синим стеклом не заходите. Там мой кредитор.

В лодке лежало семь рулонов промасленного полотна. Ника вытянула первый на настил и поняла, почему Юна так легко согласилась на тридцать минут работы. Рулон был толщиной с туловище. Ткань впитала воду из трюма и теперь прибавила в весе, должно быть, целого человека.

Марк взялся правой рукой за край.

— Отпустите, — сказала Ника. — Вы нас уроните.

— Я держу конец.

— Вы держите его плечом. Юна, возмись здесь.

Они вдвоём доволокли рулон до первого ряда столбов. На

третьем Ника стёрла ладонь. На пятом ругнулась так, что Юна одобрительно кивнула. Марк нашёл на соседнем причале короткую доску и привязал к ней два поплавка; последние рулоны выкатили по этому сооружению. Ника не поблагодарила сразу, потому что ещё сердилась на его привычку молчать до нужной минуты. Потом сказала спасибо, отвернувшись к креплению.

— Тридцать две минуты, — объявила Юна. — Две я вам прощаю. Стойте здесь, договорюсь со своим.

Лодочница ушла между прилавками. Марк присел на мешок с обрезками. Ника раскрыла жестянку. На бумаге выступили белые кристаллы. Переход через шлюз не пошёл ей на пользу: сгиб начал трескаться.

— Что такое особое обеспечение? — спросила она.

— Им так называют расход человеческой связи.

— Помню, вы уже объясняли красиво. Я спросила, что произошло с Леной.

Он провёл ладонью по лицу. Над губой осталась тёмная полоса грязи.

— Имя записано в городской корневой книге. По нему работают права на жильё, служебные двери, защитные швы. Человек связан с местами и с людьми. Палата может разом забрать эту связь и пустить в основание дамбы. По крайней мере до большой воды она держит лучше отдельных вкладов.

— А человек?

— Его отправляют в поддамбовые работы. Там следы ещё

сохраняются, можно обслуживать узлы. На поверхности он быстро становится чужим.

Ника посмотрела на его запястье.

— Ваша печать ещё синяя.

— Моё имя пока есть в книге.

— Значит, женщина в шлюзе сбежала с работ?

— Вероятно. Или её не успели увезти.

Мимо прошли две девочки с корзиной печатей. Они спорили, сколько стоит покупателю узнать, что он сегодня ел на завтрак, если завтрак был невкусный. Старшая объясняла, что такие воспоминания никто не покупает: груз на них не поставишь. Младшая сказала, что тогда она оставит себе завтраки получше.

Ника дождалась, пока они отойдут.

— Моя сестра тоже была расходом.

— След в книге это подтверждает.

— И вы считаете, я поверю тому, кто эту книгу вёл?

— Я не вёл расходных томов.

— Вы поняли.

Он кивнул. Ника ждала оправданий, но их не последовало. От этого разговор стало труднее продолжать. Она закрыла жестянку, почувствовала, что защёлка не попала в паз, и надавила ещё раз. Металл резко щёлкнул.

* * *

Юна вернулась с тонким человеком, у которого на шее висели три лупы. Человек пахнул подогретым воском и тёр нос

о плечо, потому что руки у него были в мучном клейстере.

— Это Краст, — сказала Юна. — Он знает бумагу. Краст, она умеет ругаться и таскать рулоны. Дальше сами.

Краст поставил на ящик дощечку, потряс на ней несколько зерён соли, попробовал одно на язык.

— Для казённого ремонта ничего нет.

— Для частного, — сказала Ника.

— Частный ремонт казённого документа тоже казённый. Покажите сгиб.

Она открыла тетрадь на пустом участке. Краст не пытался повернуть её к себе. Осмотрел край через лупу, приподнял ногтем волокно и присвистнул.

— Такого не делаем лет десять. Слишком дорого. Здесь морская трава внутри. Новая бумага на неё ляжет, как наклейка на мокрый сапог.

— Мне нужен кусок подложки. И нить без казённой памяти.

— Чем оплатите?

У Ники оставалось одно медное кольцо в кошельке. Она положила его на ящик.

Краст коснулся монеты мизинцем.

— На клей. Для бумаги у вас есть что-нибудь личное?

Ника знала эти разговоры. У Доры иногда появлялись люди, которые потом стояли у чужого прилавка и говорили «что-нибудь личное», словно предлагали снять ненужную кофту. Она присмотрелась к образцу: две полосы, каждая

длиной с ладонь. Достаточно для укрепления сгиба, ни крупинки лишней соли. За такое не следовало отдавать ни сестру, ни детство, ни единственный вечер с матерью.

— Есть работа, — сказала она. — Вон тот ящик с вашими образцами неправильно сшит. Из шести тетрадей три уже режутся. Переплету.

Краст оглянулся на собственный стол.

— Где режутся?

Она показала ему левый край. Он взял лупу, поджал губы.

— Мне их в подарок сделали.

— Подарок хороший. Нитки просто перетянули.

Марк поднялся и подошёл к прилавку. Краст заметил на его запястье печать и спрятал под стойку небольшой мешочек.

— Я не по службе, — сказал Марк.

— Это почти всегда хуже.

Марк достал из внутреннего шва жилета футляр со служебной пластинкой.

— Два мотка чистой нити. И две полосы травяной подложки. Расписка свидетеля о подлинности вашего договора с солеварами. Вы просили прошлой осенью.

Краст замер. Юна, которая разглядывала рядом сушёные яблоки, медленно повернула голову.

— Осенью вы сказали, это выйдет в три серебряных, — произнёс торговец.

— Теперь я предлагаю обмен.

— Ваше право действует?

Марк положил пластинку на книгу образцов. Третья пряжка отщелкнулась. Краст снял с гвоздя нужные мотки и подложку, завернул в тряпицу.

— Договор у меня наверху. Одну минуту.

Когда он ушёл, Ника спросила:

— Так можно было сразу?

— Я не знал, что он здесь.

— Вы могли сказать, что умеете не только распоряжаться чужой памятью.

— Вы ведь ещё не закончили перечисление.

Она посмотрела на него. На этот раз в его голосе действительно была попытка пошутить. Ника неожиданно фыркнула, разозлилась на себя и занялась бумагой. Подложка оказалась хорошей, чистой. От неё не шло даже короткого отклика.

Краст принёс договор и блюдо со сладкой репой. Блюде поставил перед Никой; она съела один кусок и поняла, как голодна. Марк правил текст правой рукой, медленно, прижимая нижний угол локтем. Левое плечо он держал неподвижно. Ни одного намёка на чудесное улучшение после шлюза: лицо стало серым, на лбу блестел пот.

Ника достала хлеб Тима. Носок положила под локоть, чтобы не съезжал документ. Краст посмотрел, хотел что-то спросить, передумал.

Книга образцов осталась раскрытой возле её руки. Краст

пару раз посмотрел на повреждённый шов, затем на очередь у другого прилавка. Ника знала, что будет дальше: он закроет книгу, забудет до вечера и начнёт чинить только после того, как из неё выпадет лучший лист.

— Дайте подтянуть две петли, — сказала она.

— У вас же своих забот хватает.

— Эта мне понятна.

Он уступил. Ника сняла натянутый каптал, вывела две последние петли на свободный край. В третьей тетради нить уже прорезала бумагу, едва различимая трещина прошла к самому изображению водяного знака. Она положила нож, попросила у Краста тёплой воды. Торговец принёс целую миску. Марк освободил край стола, переставив для этого стопку тяжёлых прессов. Ника хотела остановить его, но он всё сделал правой рукой, по одному, без усилия на плечо.

Клей размокал медленно. Она рассказывала Красту, куда лучше поставить распорку и почему широкая лента надёжнее нескольких узких. Тот слушал, задавал точные вопросы. Оказалось, раньше он занимался только выделкой бумаги, переплётами занялся за последний год, когда дочь вышла замуж и уехала к мужу на другой остров.

— Она у меня это делала. Сразу всё ровно. Слушаешь со стороны, будто болтает, а пальцы уже на три страницы дальше.

— Где учились?

— У южных переплётчиков. Ещё в училище при Палате. Я

ей говорил, к ремеслу привыкай, документы всегда кому-нибудь нужны. Но документы теперь больше без имён идут.

Он сказал это слишком тихо и посмотрел на Марка. Свидетель не стал притворяться, что не услышал. Подвинул к книге маленькую дощечку, чтобы Ника могла выровнять натяжение.

Она ввела под разрыв крошечную бумажную латку. Память для неё не требовалась: образцы держались обычной нитью. Помнящий шов нужен был, чтобы отогнать море, связать право или сохранить имя в казённой книге, но прилавок под навесом можно было спасти от развала клеем и разумным количеством петель. Если начать оплачивать памятью чужую небрежность, материала всё равно не хватит.

Марк удерживал корешок двумя пальцами. Когда она протянула иглу через отверстие, один его палец оказался на пути. Ника подтолкнула его тупым концом.

— Здесь будет больно.

— Принял к сведению.

— Вы всегда так говорите?

— Когда не успеваю убрать руку.

Краст прыснул со смеху, испачкал губу клейстером и стал искать чистый платок. Ника тоже улыбнулась. Образцы постепенно собирались в ровный веер. Она оставила наружную петлю чуть длиннее, показала торговцу свободный ход и велела не сушить под прямым солнцем.

— Всё, — сказала она. — Теперь может жить.

Краст принял книгу обеими руками. Пролистал, проверил каждый край, погладил повреждённый лист. В коробке рядом лежала маленькая серебряная пуговица; он положил её на стол.

— За работу.

— Мы договаривались за бумагу.

— Бумагу он оплатил.

Ника посмотрела на Марка. Тот уже убирал со стола пресс, будто расчёты не имели к нему отношения. Она взяла пуговицу и спрятала в карман: пригодится обменять на еду или нитки. Отказаться из гордости было бы легко, но на шлюзе гордость никого не покормила.

Торговец принёс ещё одно блюдо с репой и сел напротив. Теперь Ника могла спросить его про том без ощущения, что вытягивает признание из человека, который только что помог. Она показала уцелевший номер, не разворачивая имя. Краст поправил лупу и подвинул лампу ближе к номеру. — Кому принадлежал том? — спросила Ника, когда договор был скреплён.

— Такие выдавали счётным палатам. Отдельные партии — в службы под затвором. Номер есть?

Марк назвал три цифры и штрих с оборота. Краст принёс из-под прилавка тонкую книгу поставок. В ней имя каждого заказчика стояло дважды: обычными чернилами и на вшитой соляной полосе. Где-то между строчками Ника увидела несколько пустых мест. Торговец накрыл их ладонью.

— Старый сборный архив, — сказал он. — Под Рыбной лестницей. Там хранили дубликаты привязок. Потом перевели расход в Палату, архив объявили сырым. Если идёте по воду, лучше к колодцу. Она там чище.

— Нам не по воду.

— Тогда я вам ничего не говорил.

Юна вернулась к лодке, а Краст провёл их за навес, к покосившемуся столу для резки. Там было тихо. Ника раскатала подложку, отрезала тонкую полоску. Старый шов надо было укрепить, сохранив открытым след. Если закрыть имя новым клеем, она сама станет ещё одним человеком, спрятавшим Аду.

Марк придержал жестянку. Ника вставила полоску под сгиб, разровняла гладилкой и пропустила чистую нить через прежние отверстия. У нижнего края обнаружилась маленькая выемка, похожая на след зуба. Она провела по ней пальцем. В бумаге откликнулось движение руки, складывающей другой лист: раз, другой раз, наискось.

— Тут что-то было прикреплено.

Марк придвинулся, чтобы рассмотреть.

— Опись назначения. Её отрывали после выдачи работ.

— Она может быть в архиве?

— Копия. Если не уничтожили.

За тонкой перегородкой кто-то предложил покупателю вспомнить лето, проведённое у бабушки. Покупатель спрашивал, можно ли оставить запах печи, а всё остальное от-

дать. Продавец терпеливо объяснял, что разделить подробности удаётся не всегда. Ника прошила последнее отверстие и откусила нить. Руки уже не так дрожали: обычная работа вернула им меру.

Краст дал ей ещё кусочек подложки.

— Этот для сушки, — сказал он. — Твой сгиб ещё сырой.

— Положите образцы повыше. На нижней полке отсыреют снова.

Он повторил, чтобы запомнить.

На причале Юна проверяла натяжение верёвок. Она посмотрела на завёрнутую тетрадь и приподняла бровь.

— Нашли, что искали?

— Адрес, — сказала Ника.

— Адреса самые дорогие. Пока не дойдёшь, думаешь, что уже почти всё.

Ника помогла ей оттолкнуться. Марк сидел на корме, здоров подбородок, чтобы воротник не давил на рану. Она вынула из свёртка оставшийся хлеб и протянула ему.

— Ешьте.

— У вас больше нет.

— У нас обоих, если будете спорить.

Он взял половину. Юна попросила корку, съела её с сушёным яблоком и направила «Крапиву» к длинной тени Рыбной лестницы. По навесу рынка ещё стучали ножницы, в корытах полоскали чужие прожитые дни. Ника прижала жестянку к коленям и подсчитывала, сколько сухой бумаги у

неё осталось на дорогу.

Глава 6 Баня для сухих

У Рыбной лестницы стоял человек, которого Ника прежде видела только издали. Теперь расстояние позволяло разглядеть заштопанный воротник форменного плаща и тонкую нитку у подбитого каблука. Начальник стражи Варн держал в руке её поддельный том.

— Ровнее к стене, — сказала Юна, не меняя голоса. — Оба.

«Крапива» скользнула под нависающий склад. Ника пригнулась, прижимая жестянку к животу. На лестнице Варн говорил с рыжим стражником из мастерской. Тот держал полотенце Доры и пытался показать, где разошлась обложка.

Варн слушал без раздражения. Это было хуже крика. Он сам снял остатки тесьмы, вынул блок с пошлинами, перевернул первый лист. Потом позвал кого-то с верхней площадки.

Марк попробовал подняться. Юна прижала веслом его колени.

— Будешь стоять, он тебя увидит.

— Пропуск на лестнице работает только на двоих. Он перекроет боковые проходы.

— Он и так перекроет. Посиди, не помогай ему.

Сверху раздался свисток. Юна бесшумно отвела лодку в карман между двумя баржами. На одном борту сохли детские штаны; на другом красовалась надпись «Милость во-

ды». Грузчик спал под ней на мешке с мукой.

— Здесь на берег, — сказала лодочница.

Лестницы не было. От баржи к стене шёл мокрый брус. Ника ступила на него, держась за шнур от детских штанов, и поняла, что за эту поездку придётся расплатиться ещё чьим-нибудь бельём. Марк полез следом. На середине у него подогнулась нога. Ника перехватила его здоровую руку, Юна подтолкнула сзади. Брус скользнул по камню с сухим скрежетом.

На лестнице закричали. Ника обернулась: Варн указывал в сторону склада. Он ещё не видел их целиком, зато видел качнувшуюся верёвку.

— В проулок, — сказала Юна. — Второй поворот налево. Серая дверь с лошадьё. Баня давно закрыта, засов только выглядит целым.

— А ты?

— У меня лодка. У тебя ноги. Пользуйся.

Она отвязала бельевую верёвку и уронила на воду. Штаны расплылись яркими пятнами. Юна зачерпнула веслом, протиснулась между баржами и пошла прямо на лестницу, ругаясь на служебные суда, загородившие проход.

Ника потянула Марка в проулок. Он пошёл сам, но слишком медленно. У серой двери действительно была нарисована лошадь: в лучшем случае, поскольку голова у неё походила на утку. Засов выглядел крепким, пока Ника не подняла его вместе с двумя гнилыми досками.

Они оказались в тесном предбаннике. У стены стояла кадка, полная сухих листьев. Марк закрыл дверь, подпер её скамьей и сел прямо на пол.

— Простите, — сказал он.

Ника не ответила. Она держала его за рукав и боялась отпустить: казалось, от этого всё, что ещё стояло, тоже упадёт. Во дворе пробежали люди. Один остановился у двери, потрогал засов. Потом пошёл дальше.

Только когда шаги исчезли, Ника убрала руку.

— Я не умею лечить, — сказала она. — Если вы сейчас умрёте, будет очень неловко.

— Согласен.

— Вы как-то неубедительно согласны.

Марк попытался пересесть на скамью, но она держала дверь. Он огляделся и нашёл перевёрнутую бадью.

— Лучше снимем плащ.

Она помогла. Плащ прилип к разрезу на жилете. Под ним рубаха промокла до лопатки. Ника разрезала ткань ножом для бумаги и откинула край. Рана шла от левого плеча назад, к верхней части лопатки. Она была длинной и неровной. Кожа вокруг посерела от воды, в разрыве темнели волоски шерсти.

Ника сглотнула.

— Нужно вымыть.

— В дальней комнате есть резервуар. Если его не осушили.

Резервуар оказался полон на треть, вода пахла железом. Ника принесла ковш, понюхала ещё раз, вылила на кирпичи. Нужна была кипячёная. В бане имелась маленькая печь с целой трубой; в зольнике лежала растопка, а за кадкой — три сухих полена. Вода нагревалась долго. Всё это время Ника сидела напротив Марка и слушала звуки с улицы.

— Вы раньше сюда ходили? — спросила она.

— С отцом.

— На Верхнем острове бань нет?

— Есть. Я тогда жил ниже. Отец чинил причальные лебёдки.

Она посмотрела на его руки. Хорошие руки для служебного человека: не белые, ногти короткие, на указательном пальце старая мозоль от пера. Правой он держал под подбородком снятый воротник, чтобы не тянул рубаху. Левое предплечье лежало без движения на колене.

— А потом вы стали свидетелем.

— Потом.

Он не стал связывать два события красивой историей о том, как хотел спасти город. Ника была ему за это почти благодарна. Вода в котле загудела, и она отвернулась к печи.

* * *

В дальнем отделении стукнуло стекло. Ника обернулась к двери и сразу поняла, что доски на ней не помешают тому, кто решит войти всерьёз. С улицы послышался кашель, за ним мужской голос. Не крик, обычный разговор двоих лю-

дей, остановившихся от ветра.

Марк медленно поставил ковш на пол. Ника накрыла угли железной заслонкой. Огонь перестал светить, но дым ещё тянуло в трубу.

— Там топили? — спросил один снаружи.

— Из домов несёт. Здесь же закрыто.

Ручка дёрнулась. Скамья выдержала. Ника вслепую нашла жестянку, прижала к себе, боясь задеть крышкой каменный пол. Второй человек подошёл к слуховому окну. Через щель между рамой и кирпичом прошёл жёлтый клин света.

У стены висел банный колокол, к которому когда-то подвязывали верёвку от дверей. Верёвка свисала почти до пола. Ника увидела её лишь сейчас. Сквозняк качал конец, петля могла в любой миг задеть крючок и выдать их, как нарочно выставленный сторож.

Марк тоже заметил. Он медленно потянулся здоровой рукой. Ника удержала его за колено: не достанет, а сползёт с бадьи слишком громко. Полезла сама. Доска под ногой скрипнула. Снаружи перестали говорить.

Луч прошёл по потолку. Ника замерла, отведя ладонь от верёвки. Она видела на стене свою тень — бесформенное пятно, упавшее за кадку. Под пальцами нащупала маленький осколок кирпича. Подняла, перебросила в дальний угол, туда, где пол уже провалился.

Кусок ударил по пустому тазу. Из-под половицы выбежала настоящая крыса. Ника никогда прежде не была так рада

крысе. Та метнулась через свет, исчезла под дверью. Снаружи выругались.

— Живут же твари.

— И тепло им. Пойдём к проходу. Начальник сказал, все двери до воды.

Шаги удалились. Ника ещё долго стояла на одной ноге. Вторая подогнулась так неудобно, что начало сводить икру. Марк поднял руку, предлагая опору. Она приняла, спустилась на пол и сразу села.

— Говорил, что вам можно остаться у брата, — прошептал он.

— Сейчас подходящее время напомнить.

— Нет. Неподходящее.

Она посмотрела на него, ощутила совершенно несвоевременный смех. Сдержала, закрыв лицо ладонями. Если начать, потом уже не остановиться. Марк подождал, пока она выдохнет, и подвинул к ней жестянку. Ника поставила её возле печи, где не было видно света.

— Ваш начальник всегда так ищет? — спросила она.

— Варн любит перекрывать выходы прежде, чем входить. Самому ему необязательно бегать.

— Умный.

— Достаточно. Мы задержимся здесь до следующего обхода, потом уйдём с их спины.

— Он знает, что вы здесь?

Марк покачал головой.

— Видел возле склада. Думает, что пойдём к нижним причалам. Он прав, просто мы пока не можем.

Он посмотрел на рану. Ника поняла, что ждёт не поисковый патруль, а её: она должна закончить, зашить одежду и решить, когда он снова может двигаться. Это была тяжёлая, неприятная власть. Она не хотела, чтобы от её руки зависело чьё-то плечо, если эта рука умеет чинить бумагу.

— Я уберу последние нитки, — сказала она. — Потом перевяжем и посидим. Если начнётся жар, идём к лекарю, хоть через весь пост.

Марк согласился. На этот раз без шутки. Ника подняла заслонку, проверила, что с улицы огня не видно, и придвинула к себе миску с тёплой водой. В старом шкафчике нашлась банка мыла, слипшаяся в один серый ком. Ника вымыла руки, очистила нож, прокипятила полотняную тряпку Келя. Уголь в печи раскалился, стало душно. Она отворила маленькое слуховое окно под потолком.

— Я сейчас буду тянуть ткань, — сказала она. — Если плохо, говорите.

— Уже плохо. Продолжайте.

Она поливала рану тёплой водой, снимала размокшие волокна пальцами. Марк держался за край бадьи. Один раз он попросил остановиться. Она сразу перестала, подождала, пока он кивнёт. Потом убрала последние нитки и наложила сложенное полотно.

Перевязывать оказалось труднее: лента соскальзывала с

плеча, а оборачивать слишком туго было нельзя. Ника трижды распустила узел. На четвёртый Марк подсказал, как завести перевязь под здоровую руку. Она сделала. Его дыхание постепенно выровнялось.

— К лекарю надо, — сказала она.

— Да.

— Вы так отвечаете, будто речь об очередной форме для подписи.

— От этого не меньше надо.

Она села на пол, вытянула ноги. Ботинки промокли, чулки прилипли к пальцам. В бане пахло мокрой шерстью, старым можжевельником и кровью. Ника сняла ботинок, вывернула чулок и поднесла к печи.

— Не смотрите так, — сказала она. — Будь у меня выбор, я пригласила бы вас на более светский приём.

— Я смотрю на огонь.

Она проследила за его взглядом. Действительно на огонь. Отчего-то это её рассмешило, нелепо и громко. Ника закрыла рот тыльной стороной ладони. Марк тоже улыбнулся, потом поморщился.

— Вам смеяться нельзя, — сказала она.

— Тогда не предлагайте светских приёмов.

На несколько минут они замолчали. За стеной прокатилась тележка, торговец выкрикнул цену на уголь. Город продолжал торговаться, мыться в открытых банях, забывать о вчерашней еде. Ника развернула полотняный свёрток с

остатками хлеба и нашла внутри маленькую луковицу. Тим всё-таки решил позаботиться о них с размахом.

Они разделили луковицу. Марк ел медленно. На правом виске у него осталась белая полоска от штукатурки. Ника смочила чистый край ткани, протянула ему. Он понял и вытер лицо сам.

— Почему вы отказались от новой ведомости?

— Там было триста сорок имён. Без проверки связей, без расчёта, какие узлы выдержат.

— Если бы расчёт был правильным, подписали бы?

Марк посмотрел на свои ботинки.

— Прежде — да.

Ника сжала мокрый чулок в кулаке. Хорошо, что он не сказал «никогда». Сказать такое было бы удобнее обоим. Она могла бы решить, что встретила единственного честного человека внутри чужой беды, а он получил бы право оставаться рядом.

— Значит, вы отказались, потому что плохо посчитали.

— Я слишком долго делал вид, что считаю только узлы.

Он сказал это без нажима. Ника не знала, что ответить. Ей хотелось спросить о каждом человеке, которого он провёл через служебные двери, и одновременно хотелось сейчас не слушать ни одного имени. Она развесила чулки на крючках, провела ногтем по засохшему клею на фартуке.

— Не уходите от меня с книгой, — сказала она наконец.

Марк повернулся.

— Я не собирался.

— Люди обычно не предупреждают, когда собираются. Я говорю сейчас: я иду к сестре. Вы помогаете найти дорогу. Пока это всё.

Он кивнул.

— Пока это всё.

Снаружи три раза ударили в колокол. Ника поднялась. Дневной свет в слуховом окне стал жёлтым. Они потеряли больше часа, возможно два. Она проверила повязку: кровь проступала только маленьким пятном у верхнего края. Тёплое питьё помогло Марку ожить, но шаг он всё ещё делал осторожно.

В дальнем моечном отделении обнаружилась дверца для доставки дров. Она вела во двор, заросший мятой. На корыте лежал обрезок промасленной ткани, прижатый кирпичом. Под ним Юна оставила углём схему двух проходов и короткое слово «ПЕШКОМ». На поле она нарисовала жабу.

Ника посмотрела на Марка.

— Она о вас хорошо заботится.

— Она не любит терять должников.

С обратной стороны ткани оказалось ещё несколько цифр. Марк объяснил: номер хранилища при Южном затворе. Юна, проходя на лодке, увидела знак на двери и сопоставила с тем, что они искали.

Ника обвела цифры пальцем. Здесь не было ни чужой памяти, ни голоса Ады, только уголь на тряпке. От такой про-

стоты стало легче. Схему можно было прочесть глазами, проверить ногами и при ошибке спросить человека, который её нарисовал.

Они погасили печь, залили угли и подвесили бадью обратно на крючок. Ника забрала нож, иглу, жестянку и высохшие чулки. У двери Марк остановился, пропуская её вперёд. Она пропустила его сама: теперь хотела видеть, как он идёт.

Глава 7 Где держится край

К старому архиву вели двадцать восемь ступеней. Ника насчитала их, пока Марк останавливался на каждой четвёртой. Нижние были покрыты тиной, верхние обломаны со стороны перил. На стене кто-то написал, что лестницу отремонтируют до зимы. Зима не была указана.

Служебная дверь имела две накладки: новую пустую и старую медную, потемневшую по углам. Марк положил на медь пластинку. Внутри что-то щёлкнуло, но дверь осталась закрыта. Он попробовал ещё раз.

— Ваше право кончилось? — спросила Ника.

— Здесь отрезана связь с центральным узлом. Придётся открыть обычным способом.

— Ломом?

— Ключом.

Ключ обнаружился под отбитым камнем справа. Марк объяснил, что его всегда оставляли там для ночных смен. Ника не спросила, почему о столь надёжной мере охраны не знали все в городе. Наверное, знавшие уже не ходили по этим лестницам.

За дверью пахло сырыми страницами, как в кладовой Доры после весеннего подъёма воды. Но там Дора ругалась, распоряжалась и переворачивала листы. Здесь бумага годами портилась в молчании. Низ стеллажей почернел, на полу

лежали коробки без крышек. Над столом висел бюст давно умершего Хранителя, которому плесень придала вид лёгкой щетины.

Ника поднесла лампу к журналу выдачи. В первой графе стояли даты. Во второй когда-то были имена: чернила на соседних строках сохранились, а там, где писарь обозначал получателя, бумага оставалась пустой. Одну такую пустоту обвела детская рука и приписала: «Кто?» Чернила вопроса побледили, но держались.

Она положила пальцы на строку. Отклик шёл слабый, многослойный. Люди тянулись через стол за связками ключей, кашляли, ссорились о размере платы. В их руках были совершенно обычные задачи. Ника пыталась выделить один нажим и получила только боль вдоль запястья.

— Здесь слишком много, — сказала она.

Марк подошёл, придерживая левую руку за пояс.

— Начнём с номера. Не ищите имя во всём архиве.

На плане у входа стеллажи имели буквы. Половина букв стёрлась, но между рядами оставались латунные метки. Они нашли Ж, потом соседний З, заваленный пустыми ящиками. Марк попробовал сдвинуть один ногой. Ника поставила лампу и взялась сама.

— Плечо, — напонила она.

— Я ногой.

— А потом чем вы будете поднимать, когда застрянет?

Он отступил. Пока она разбирала завал, он читал уце-

левшие ярлыки. «Потребное снабжение», «Выдача камня», «Смена основания». Последний ящик оказался пуст. На дне лежали две сломанные печати и мышинный помёт.

На столе приёмщика лежала длинная линейка с приклеенной к ней инструкцией. Ника сняла бумажную ленту, чтобы подложить под ящик, и увидела печатные слова: «При отсутствии получателя возврат отнести к номеру места». Под ними кто-то написал карандашом: «Если место тоже вымыло?» Ответа не было.

Она показала ленту Марку.

— Человек исчезает, а номер остаётся?

— Часто. Предметы, вложенные в шов, могут удерживать связь. Но официальная запись обрывается. Тогда имя уходит с поверхности, а цифры продолжают работать как складская метка.

— Поэтому Ада осталась внизу страницы.

— Возможно. Её связывала выдача материала, а не только право на жалование.

Ника провела ногтем по графам. Здесь были суммы, даты, количество связок. Про людей писали так, словно они тоже могли вернуться не в свой ящик. Она нашла отметку о потерянной печати и требование возместить ущерб с рабочего. Имя рабочего стёрлось, но сумма удержания уцелела полностью.

Марк перевернул другой бланк. На нём осталась подпись младшего хранителя, яркая, почти новая. Свидетель прочёл

её, посмотрел на строку повыше и положил лист обратно.

— Знали?

— Видел в Палате. Недавно. Он утверждал, что здесь ничего нет после закрытия.

— Может, забыл.

— Может.

Ника подняла на него глаза. Марк не поспешил защищать ни человека, ни забывание. У него на лице было тяжёлое, рабочее внимание, с которым она сама разбирала чужой испорченный переплёт: сначала понять, где держится, потом решать, что отрезать.

В соседнем ряду они обнаружили короб с медными номерами. За каждым торчала тонкая соляная полоска. Ника взяла первый попавшийся. Сразу заболел палец. Она положила обратно и вытерла ладонь о фартук.

— Не надо все подряд, — сказала сама себе.

— Вы слышите голос?

— Иногда. Чаше движение. То, что осталось от нажима. Если я начинаю воображать больше, чем чувствую пальцами, всё путается.

Он посмотрел на короб.

— И что делать обычному человеку?

Ника перевернула полоску, выбрала чистый край.

— Обычному тоже лучше сначала посмотреть. Косой свет, сухая подложка. Вот. Возьмите не там, где запись, на поле.

Он приложил указательный палец. Ника подвинула лампу, накрыла край полоски прозрачным обрезком.

— Ведите медленно. Не давите. Если волокно поднимается против движения, под ним проходила нить или перо. Этого достаточно, чтобы начать копировать. Остальное приходит с практикой.

Марк попробовал, не сумел различить и половины. Зато нашёл две проколотые точки, которых она сама не заметила. Ника повернула полоску и увидела, что её раньше пришивали боком. Получилась ложная строка, слишком длинная для имени.

— Вот за это спасибо, — сказала она. — Я бы читала не в ту сторону.

— Значит, могу работать держателем лампы с повышением.

— Пока испытательный срок.

Она рассмеялась. Смех быстро исчез: на полоске проступили чужие инициалы, и снова надо было выбирать, какие читать, а какие оставить. До темноты не хватило бы времени даже на один короб. Ника вернула медный номер на место, отметила снаружи мелом, что осмотрела верхние пять. Порядок казался маленькой защитой от бессилия.

Только после этого они вернулись к пустому ящику назначения. Если нужную тетрадь забрали, при ней могла остаться квитанция; Дора всегда велела проверять низ коробок, потому что люди считали спрятанным всё, что не лежало сверху.

Ника присела. Лампа сделала пустоту особенно аккуратной, очевидной. Кто-то вынул всё, что им требовалось, задолго до их прихода. Она чувствовала в себе желание стукнуть ящик об пол. Но пол был старый, ящик казённый, Марк ранен, а злость не поднимала вверх ни одной страницы.

Она перевернула ящик и посмотрела снизу.

Там, под планкой, остался сложенный вчетверо соляной обрезок. Ника вытащила его ногтем, придержала угол ножом. В счётных палатах делали такие кармашки для квитанций, пока не набиралось достаточно на отдельную тетрадь.

На обрезке сохранилась печать затвора и две цифры. Под ними — узел из нитки.

Обычный рабочий узел, выполненный двойным косым стежком.

Ника опустилась на пол. В доме у них осталась подушка с таким швом. Ада зашивала её, когда Ника промахнулась иглой, распоролла наволочку и решила скрыть дырку, повернув подушку к стене. Сестра обнаружила, села возле окна и долго объясняла, что косой стежок легче подтянуть, если подкладка сядет. Ника тогда слушала вполуха: ей хотелось убежать на воду.

Здесь двойной стежок шёл поверх служебной нити. Рука чуть растягивала вторую петлю. Точно так же, как на подушке.

— Это её, — сказала Ника.

Марк посмотрел из-за плеча. Не приблизился, пока она не

подвинула лампу.

— Можете прочесть?

Она не ответила. Подхватила обрезок пальцами, дала коже привыкнуть к шероховатости. Первое прикосновение принесло лишь влажный холод. На втором встало короткое движение: рука подсовывала лист в карман, человек задерживал дыхание, прислушиваясь к шагам в коридоре.

Ника открыла глаза. Вдоль сгиба появились вдавленные буквы. Она не видела их ясно, но знала направление пера, могла повторить его своим.

— Дайте чистую бумагу.

Марк нашёл в шкафу испорченный бланк. На обороте Ника наметила штрихи, потом проверила каждый прикосновением. В слове было несколько пустых мест. Она оставила их пустыми. Дора научила её рано: догаданная буква живёт дольше настоящей и мешает добраться до неё.

Получилось: «Под...бовые маст...ские. Третий ... ход. Выдавать по числу ...иц».

Ниже, другой строкой: «Связь держится на краях. Проверить...»

— Поддамбовые мастерские, — сказал Марк. — Третий обход. По числу лиц.

— Вы читаете или угадываете?

— Узнаю формуляр. Но ваши пробелы оставьте.

Ника оставила. Затем перевернула обрезок. С обратной стороны была дата, на несколько месяцев позже исчезнове-

ния Ады.

Она перечитала её вслух. Сбилась на числе, начала заново. У неё вдруг пропала слюна, и слова прилипали к языку. Восемь лет они жили с днём исчезновения; этот день стоял между Никой и всем, что касалось сестры. Теперь появилась дата после него. Ада куда-то ходила. Получала бумагу. Зашивала кармашек.

Марк достал из кармана флягу. Подал молча, горлышком к ней. Вода была тёплой, с жестяным привкусом. Ника выпила три глотка и снова стала рассматривать стежок.

— Нужно там искать, — сказала она.

— Да. Но сейчас нельзя попасть через расходный вход. Двери закрыты на ночь.

Ника посмотрела на окно. Стекло превратилось в тёмный прямоугольник, где отражалась их лампа.

— Есть другой?

— Дренажный. Он затапливается после шестого колокола.

— Значит, утром.

Он кивнул. Она ожидала, что он предложит отдых, разумные сроки, всевозможные причины остановиться. Марк только подвинул к её коленям свёрток с чистой подложкой: чтобы обрезок не лёг на мокрые доски.

* * *

Перед тем как оставить главный зал, Ника сделала маленькую опись найденного. Номер ящика, место кармашка, по-

ложение обрезка под планкой. Нарисовала двойной стежок в увеличении, отдельно обозначила вторую петлю. Марк предложил подписать рисунок, но она покачала головой: пока он подтверждал только то, что видел здесь. Свидетельство о чужой руке требовало большей осторожности.

— Если я завтра начну помнить иначе, — объяснила она, — эта страница меня остановит.

— Вы себе не доверяете?

— Я устала. Это полезно учитывать.

Он кивнул и предложил сверить опись с ящиком. Ника дала ему лист, не чувствуя, что сдаёт свою работу на проверку. Марк нашёл одну ошибку: она обозначила верхний угол, хотя кармашек был снизу, когда ящик стоял правильно. Исправление заняло секунду. Если бы они позже искали похожий обрезок, неправильный угол увёл бы их в другой ряд.

Ника прижала запись грузиком до полного высыхания чернил. От книги в мешковине осталась только восьмая тетрадь; остальное лежало у Доры, под золой. Вернуться к расходам они не могли. Значит, за каждое новое подтверждение приходилось отвечать тщательнее, чем за обычную починку.

Марк принёс сухую тряпку, накрыл стол на ночь. Ему удалось расправить её одной рукой. Ника сделала вид, что не наблюдает, и занялась своей лампой. Они устроились в комнате смотрителя. Там сохранилась печка, две сломанные койки и клетка для птицы. Клетка была пуста, но на прутьях держались белые перья. На одной койке Ника натянула дос-

ки, подложив вместо недостающей ножки книги со списанными печатями. Марку досталась вторая, со стеной у здорового плеча.

Он спал плохо. Каждые несколько минут менял положение, потом возвращался к прежнему, стараясь не шуршать. Ника лежала в плаще и смотрела на тёмную дверцу печи. Когда боль разбудила её окончательно, она поднесла руки к углям. Ладони опухли, суставы казались чужими и негнушались.

— Можно посмотреть? — спросил Марк из темноты.

— Вы же не лекарь.

— Я видел, что с этим делают.

Она села на край койки и протянула руку. Он не потянул её к себе, подвинулся сам. Взял за запястье выше трещин.

— Лучше сухое тепло. Без соли.

— Я знаю.

— Тогда зачем сунули их в воду?

— Больно было.

— Понятно.

Его пальцы были прохладными. Ника чувствовала, как он осторожно разгибает ей большой палец, проверяя натяжение. Шрам на подушечке побелел. Марк сразу ослабил хватку.

— Сильнее нельзя, — сказала она.

— Не буду.

Он положил её руку на подогретую ткань и отпустил. Ни-

ка просидела рядом ещё минуту. Хотела спросить, давно ли он один, есть ли дом, куда ему нужно вернуться, кто заметит отсутствие. Вопросы показались опасно домашними. Она спросила, сколько бумаги понадобится, чтобы прочитать весь след.

— Вам виднее, — ответил он. — Я так не умею.

Она неожиданно обрадовалась этому признанию. Весь день он знал двери, права, расположение ворот. Здесь ему приходилось доверять её пальцам.

— Целый лист, наверное, — сказала Ника. — И полчаса без разговоров.

— У нас есть ночь.

— У вас есть рана. Ложитесь.

Она вернулась на свою койку, но спать не смогла. Через несколько минут Марк попросил разбудить его, если понадобится держать лампу. Она пообещала. Два раза проверила обреза, больше к нему не прикасаясь.

Утром во дворе скрипнул колодезный ворот. Ника проснулась от его звука, села, не сразу поняв, где находится. На неё было наброшено второе покрывало — пыльное, архивное. Марк сидел у окна и читал сквозь лупу старую схему. Он поднял глаза.

— Доброе утро.

Ника посмотрела на левое плечо. Повязка держалась. Губы уже не были белыми.

— Вторые сутки, — сказала она.

Марк кивнул.

До Большой воды оставалось восемь. Она достала сухой хлеб, разломил на столе. Крошки попали на карту, и оба принялись собирать их, чтобы не принять потом за острова. Они смеялись тихо, со сна, не глядя друг на друга. За окном женщина ругала колодезный ворот и обещала наконец заметить ему ручку.

Когда Ника вернулась в зал, косой стежок был виден даже без лампы. Она укрепила обрезок на отдельной подложке, записала обе даты и перечеркнула на плане неверный номер двери. Затем заметила на схеме нижних работ узкую рамку, обведённую красным. «Третий цех. Переведён в резерв». Позже кто-то приписал внизу одно слово: «Авария».

Год Ника прочесть не смогла. Красные чернила расплзлись по сгибу. Она не стала пока догадываться, какие люди находились тогда внутри.

Глава 8 Ворота восемь лет назад

В коридоре за архивом ещё работала кухня. Ника поняла это по капустному запаху, который вдруг оказался важнее любых записей. На двери висела табличка: «Для служащих действующих смен». Буквы были свежие, дерево давно почернело от пара.

Кухарка посмотрела на них через прорезь. У Марка за спиной Ника заметила попытку достать служебный футляр и положила ладонь ему на руку.

— Суп продаёте?

— Хлеб с собой?

— Немного.

— Тогда медное кольцо за двоих. Миски вернёте.

Медных денег не было. Ника сняла с фартука латунную застёжку; кухарка повертела её пальцами, положила рядом с черпаком. На полке за ней выстроились другие залого: напёрсток, ручка от ножа, маленький медный петух. Ни один не имел отношения к желудку.

Суп был густой, с фасолью. Они ели во дворе у колодца. Марк придерживал миску на колене. Плечо не позволяло наклоняться, и ложку приходилось подносить медленно. Ника быстро съела своё и оглядела двор. Отсюда выходили две двери; на левой была старая отметка Южного затвора. Стрелка указывала вниз. Она ждала, пока Марк закончит, и

сердилась на себя за каждое движение его ложки, за которым следила.

— Нам туда? — спросила она.

— Внизу вход в третий обход. Но его давно закрыли. Нужно проверить передаточный стол, он снаружи.

— Вы знаете, куда отвели Аду?

Марк перестал есть. С ложки капнул бульон.

— Из этой тетради я узнаю тот же номер, что и вы.

— А без тетради?

Он поставил миску на землю. Лицо изменилось мало, только угол челюсти обозначился сильнее.

— Ника, я должен вам сказать.

Кухарка крикнула из окна, чтобы не ставили посуду на грязь. Марк поднял миску, отнёс обе к прорези. Ника слышала, как он благодарит, как кухарка требует отдать полотенце. Обычный разговор продлился полминуты. За это время Ника успела придумать три объяснения его паузы, и все оказались слишком добрыми.

Он вернулся и остановился возле колодца.

— Я сопровождал вашу сестру за служебные ворота восемь лет назад.

Ника смотрела на мокрую ложку у него в руке.

— Вы меня слышали? — спросил он.

— Слышу. Почему вы держите ложку?

Он посмотрел на неё, будто только теперь заметил предмет, положил на край колодца.

— Я был свидетелем передачи. Аду Ренн провели через западный вход. Я шёл рядом до промежуточной приёмной и передал ведомость старшему смены.

— Когда?

Он назвал день. Тот самый, когда Ада не пришла домой.

Ника знала, что Марк скажет дальше, но всё равно спросила:

— Она была жива?

— Да.

— Ранена?

— Нет.

— Просила вас о чём-нибудь?

— Передать вам и брату, что она не уехала добровольно.

Ника шагнула к нему. Он не отступил. Ей хотелось ударить его, но свободная рука сама взялась за край колодца. Шероховатый камень ободрал костяшку. Боль оказалась ясной, понятной, и она сжала край сильнее.

— И?

— Я не передал.

— Почему?

— Сообщения из приёмной запрещали. Я подчинился.

У колодца болталась верёвка. Ветер вращал пустое ведро, цеплял его за стенку. Марк смотрел прямо на неё, и Ника ненавидела его за эту прямоту: теперь она появилась, после целого дня, после того, как он ел хлеб Тима, позволил вымыть рану, держал её больную руку.

— Вы знали с первой минуты.

— Да.

— Я сказала имя у двери.

— Да.

— А вы спрашивали, могу ли я прочесть. Показывали проходы. Очень помогали.

Он опустил взгляд.

— Я должен был сказать сразу.

— Это вы удачно заметили.

Ника отошла к стене. Она расстегнула карман и вынула его футляр. Кожа согрелась возле её тела, на застёжке остался след соли. Она бросила его Марку под ноги. Он нагнулся правой рукой; Ника увидела, как дёрнулась повязка, и не почувствовала прежнего желания придержать.

— Книгу я оставляю себе.

— Конечно.

— Вы не можете мне это разрешать.

Он выпрямился и прижал футляр к боку. Ника ждала слов о помощи, об опасности разойтись, о том, что у неё нет ключа. Если бы он сказал хоть одно, она ушла бы немедленно, пусть пришлось бы разбивать дверь камнем. Марк молчал.

Из окна кухарка позвала его вернуть ложку. Он машинально протянул руку к колодцу, не нашёл её и стал смотреть по сторонам. Ника подняла упавшую ложку с камней, понесла к окну сама. Руки тряслись так сильно, что металл стучал по кольцу.

— Не понравилось? — спросила кухарка.

— Хороший суп.

— По лицу не скажешь.

Ника отдала ложку. Латунная застёжка всё ещё лежала у черпака; смешно было думать, что к ней можно вернуться, заплатить монету, пристегнуть обратно к фартуку. Некоторые вещи возвращались именно так, с небольшой неловкостью и потерей денег.

* * *

Она не сразу пошла к передаточному столу. Сначала села в пустой сторожке за кухней. Там на полке сохранился кусок извести. Ника взяла его и начала рисовать на кирпиче последние дни Ады: ужин, сапоги, жалованье. Порядок был известен много лет. Между знакомыми точками она добавила ворота, приёмную и Марка. Известь сломалась.

Восемь лет назад Ада уже казалась ей окончательно взрослой. Умела спорить с квартирным старостой, покупала ткань по оптовой цене, без страха ходила в Палату, где каждой двери требовалось основание, чтобы открыться. Аде было двадцать два. Сейчас Ника была старше её тогдашней на пять лет и всё равно иногда оставляла для сестры решение самого трудного вопроса. Если бы Ада вернулась, можно было бы спросить, стоило ли переделывать мастерскую Доры под собственное дело, куда деть материнскую посуду и почему невозможно перестать командовать Тимом.

Она стёрла с кирпича линию ворот. Потом нарисовала

снова. Дверь в памяти не открывалась от того, что на неё не смотреть.

Марк ждал снаружи. Он сидел на каменном пороге, здоровым плечом к стене. Не пытался подойти. Когда Ника вышла, поднялся.

— Я иду дальше, — сказала она. — Потому что там моя сестра. Если вы знаете маршрут, идите впереди. Вопросы я буду задавать, когда захочу.

— Хорошо.

— И не решайте снова, что мне лучше не знать.

Он кивнул. Они прошли мимо колодца, и только за дверью в служебный коридор Ника вернула ему ключ от архива. Объяснять этот жест не стала.

Но нижнюю дверь им пришлось открывать не ключом от архива. На пороге сидел мужчина с толстой лентой мерок на шее, штопал рукав и не собирался никуда двигаться. Он поглядел на Марка, затем на Нику.

— Закрыто.

— Нам к передаточным ячейкам, — сказал Марк.

— То же слово. Закрыто.

Ника остановилась рядом с ним. В рукаве был обычный прорыв, нитка проходила поверх него крупными петлями. Через полчаса разойдётся дальше, потому что ткань уже истончилась от локтя.

— Поставить латку? — предложила она.

Мужчина опустил шитьё.

— У вас рук не хватит. Два года говорю, что надо менять лестницу. Мне в ответ латку.

— Я про рукав.

Он посмотрел на свой локоть, хмыкнул.

— Сам дошью. Вам туда незачем. Документы давно забрали.

— Куда?

— В Палату. Куда ещё берут, когда закрывают. Что не забрали, сгнило. Что не сгнило, в печь пошло. Я тут воду выношу и дверь держу, чтобы дети не полезли под обвал.

Марк вынул футляр, мужчина отмахнулся.

— Хоть целого Хранителя из кармана достаньте. У меня плита сверху расколота. Пропущу — свалитесь, мне до вечера вас вытаскивать. Одной трещоткой на двоих.

Ника почувствовала неловкость: человек защищал их от вполне вещественной опасности, а она ждала очередной попытки скрыть сестру. Она положила жестянку на ступень.

— Что нужно, чтобы пройти?

— Страховочную верёвку. И помощника внизу.

Марк посмотрел вверх, на скобу возле потолка.

— Двадцать локтей есть?

— Есть. Если подпишете, что поняли.

Мужчина принёс верёвку из сторожки. Верёвка была хорошая, с новой обмоткой на конце. Он явно берег её для таких случаев. Марк осмотрел волокна, затянул узел правой рукой, помогая коленом. На другой стороне Ника продела

петлю вокруг собственного пояса. Смотритель ткнул пальцем в узел.

— Этот держать не будет.

Ника проверила и увидела, что петля перевернулась. Исправила.

— Спасибо.

— Будете благодарить, когда выйдете. Вниз пятку сначала, там скользит.

Они пересекали пролом по одному. Ника почувствовала, как камень под каблуком качнулся, прижалась ладонью к стене. Смотритель выбрал слабинку, крепко держал верёвку на плечевом упоре. Вблизи на его шее оказалось столько мозолей, что кожа стала похожа на обрезок толстой подошвы.

На другой стороне она потянула верёвку, показывая, что дошла. Марк шёл ещё медленнее. Ника держала второй конец, следила за его ногами и впервые после разговора у колодца пожелала ему дойти благополучно без оговорок. Он дошёл, опёрся о стену, несколько раз вдохнул.

— Обратно тем же порядком, — сказал смотритель через пролом. — Я никуда не денусь.

Ника спросила, помнит ли он счётчицу Аду Ренн. Мужчина повторил имя, подумал, покачал головой.

— Я с людьми плохо. С вещами лучше. Была такая метка?

Она показала двойной косой стежок на подложке. Он всмотрелся.

— Такое попадалось. Под третьим. Там после поврежде-

ния много закладок осталось. Я не трогал, сырость.

Больше он ничего не смог сказать. Ника поблагодарила и убрала обрезок. Этот ответ не стал ни обещанием, ни подтверждением смерти. Человек просто держал верёвку над проломом, пока другие проходили искать своё. Передаточные ячейки находились дальше, за узким поворотом, и она заставила себя туда пойти. Передаточный стол оказался узким помещением между двумя лестницами. В стене были прорезаны двадцать ячеек для дощечек. Над каждой обозначили номер цеха. Половина ячеек забита досками. Ника отыскала третью, сняла накладку ножом. Из щели высыпался песок и упала маленькая свинцовая пломба.

Пломба давила на ладонь. Внутри неё застрял кусок нити. Ника ещё не прикоснулась к следу, но уже знала: здесь работали те же руки, которыми был зашит кармашек.

Марк поставил лампу. Она велела отойти на два шага. Он отошёл.

В ячейке лежали расходные дощечки с одной исписанной стороной. «Выдано восемь полотен», «Принято трое», «Возвращён инструмент». Имена были пропущены везде. Под нижней дощечкой прилипла бумажная накладка. Ника её не отрывала — только смочила край, подвела костяную гладилку, подождала. В бумаге дрожал упорный отклик: человек в темноте ощупывал стену в поисках гвоздя.

Она развернула накладку на ткани.

«По мастерским. А. Ренн». Ниже стояло: «Не ставить по

одному. Слабнут после третьей смены. Нужны связи между...»

Продолжение было оторвано. Ника прочла начало трижды. Не ставить по одному — что? Якоря? Людей? Оторванный край был древним, не сегодняшним. Внутри волокон скопилась чёрная пыль. Она могла прочесть ровно то, что осталось, и не больше.

— Здесь её служебная подпись, — сказала она.

Марк не двинулся с места.

— Я вижу.

— Она продолжала считать.

— Поддамбовым нужны счётчики. И переплётчики.

— Все нужны. Очень удобные люди, когда никто не придёт за ними.

Он принял слова молча. Ника испытывала от этого злое удовлетворение, которое быстро перестало помогать. Хотелось ответа — такого, чтобы он всё исправил. Но она уже слышала достаточно про добровольную отдачу, чтобы понимать разницу между объяснением и возвращением.

На наружной стороне дощечки был штамп перевода цеха в резерв. К нему прилагалась неровная приписка: «После повреждения водосброса». Дата утонула в сыром пятне. Ника подержала дощечку перед лампой, потом отдала Марку, не касаясь его пальцев.

— Что здесь произошло?

— При Южном затворе были аварии. Я не занимался рас-

следованием. Нужно найти журнал работ.

— Когда вы ушли из этой службы?

— Три дня назад.

Ника кивнула. Значит, до этого дня он всё ещё принадлежал тому месту, где Ада должна была ждать смены, бумаги, разрешения выйти к воде. Вопросов становилось больше, а короткие ответы причиняли почти физическую усталость.

Снизу ударила дверь. Ника погасила лампу ладонью над колпаком, не касаясь горячего стекла. В коридоре послышались шаги. Они шли тяжело, с длинными остановками. Кто-то нёс груз.

Марк показал на верхнюю лестницу. Ника собрала накладку, дощечку и plombу в ткань. От подъёма плеча в старой ране у него снова проступило пятно. Она посмотрела, отвернулась и пошла наверх.

Они вышли в маленький двор с перекошенным флюгером. Небо над ним было белое, без солнца. Ника прислонилась к стене, чтобы выровнять дыхание. За следующей стеной работали люди; скрежетала тележка, кто-то считал мешки. Она встала на носки, пытаясь увидеть крышу затвора. Виднелась только верхняя часть красного сигнального шара.

До мастерских было меньше ста шагов по прямой. Прохода к ним у неё пока не было.

Глава 9 До другого берега

Вернуться тем же путём не удалось. На верхней площадке Рыбной лестницы сидел стражник с короткой трубкой. У его ног лежала раскрытая корзина с луком; похоже, часть дня он собирался провести здесь. Ника увидела, как мужчина сверяет служебные знаки у проходящих, и отошла за кирпичный выступ.

— Он знает вас в лицо? — спросила она.

— Возможно.

— Как неудобно.

Марк опёрся спиной о стену. Она не предложила сесть, хотя он бы, вероятно, согласился. Между ними оставалось всё сказанное у колодца. Ника всё ещё могла на него смотреть, говорить с ним о дверях и ступенях, но когда взгляд попадал на повязку, хотелось унести его на другого человека.

На карте Юны была ещё одна линия — от водомерного столба к пристани ремонтников. Ника развернула промасленную ткань.

— Здесь только обход или вода?

— Отливная канава. Сейчас можно пройти по карнизу.

— Вы сможете?

— Попробую.

— Мне нужен ответ до канавы.

Он посмотрел вдоль стены, оценил высоту. Ника видела,

что ему неприятен её тон; она сама говорила с ним как с ленивым подмастерьем. Но изменить голос пока не могла.

— Если не придётся подтягиваться левой рукой, смогу.

Они пошли через двор, где сушились пустые сети. Марк держал лампу погашенной. Ника несла сумку на боку, жестянка билась о бедро. На повороте им встретился мальчик с корзиной ракушек. Он предложил десяток за медное кольцо. Ника показала пустую ладонь. Мальчик посмотрел на её пальцы и убрал корзину подальше, словно болезнь могла перескочить на товар.

Канава отделяла стену архива от складских пристроек. Вода оставалась в ней тёмными неподвижными лужами. Карниз был широким с обеих сторон, но в середине его пересекала сломанная решётка. Ника сняла плащ и перекинула на железо, проверила правой ногой, потом протиснулась между стеной и прутьями. Нить фартука зацепилась. Она не стала тянуть, разрешила завязку ножом.

Марк проходил следом. В тот миг, когда он занёс ногу над решёткой, сверху раздался окрик.

Рыжий стражник стоял у водомерного столба. Он держал в руке короткий самострел, но не поднимал: между ним и ними проходила женщина с двумя вёдрами. За ним уже спускался второй.

— Идите! — сказала Ника.

Марк задел плечом кирпич и остановился, закрыв глаза. Она ухватила его правое предплечье, потянула. В сумке

хрустнула жестянка. Они спрыгнули с карниза на настил возле пристани ремонтников, и Ника тут же провалилась ногой между досками.

Боль ударила в голень. Она дёрнулась, не смогла высвободиться. Марк опустился рядом, удержал её за пояс, чтобы она не упала дальше. Правой рукой стал отгибать доску.

— Ломайте, — сказала Ника.

Он нашёл на настиле обрезок железа, поставил под край. Доска треснула. Ника вытащила ботинок, потеряв каблук. До воды оставалось меньше локтя.

На площадке над канавой застучали сапоги. Марк поднялся, и они пошли дальше, насколько позволяла нога Ники. У ремонтного сарая стояла тележка с кольцами для бочек. Ника подхватила её рукоять и толкнула поперёк прохода. Тележка ударилась колесом в стену. Кольца рассыпались и покатались по настилу с ужасным металлическим грохотом.

Из сарая вышли двое мастеров. Один сразу начал ругаться, второй попытался собрать кольца. Ника сказала им правду — что нога застряла в настиле — и попросила не идти за ними. Объяснение получилось бессвязным, но хозяин сарая заметил самострел в руке приближающегося стражника и сам загородил дверь.

— Здесь люди работают! — крикнул он.

Этого хватило. За сараем были ворота, запиравшиеся обычным деревянным штырём. Марк выдернул его и пропустил Нику. Они затворили створки, вернули штырь со своей

стороны и пошли по берегу за соляными складами.

Ника хромала. Марк не предлагал помощи до тех пор, пока она сама не взяла его под здоровую руку. Он сразу подстроил шаг, и оттого у неё с новой силой заслезились глаза. Она смотрела только под ноги, выбирая целые доски.

* * *

У Нижнего шлюза стражи не было. После утренней толчеи здесь работали двое плотников. Новая латка на раме лежала ровно, и Ника с коротким облегчением отметила, что свободная петля выдержала.

Из сторожки вышел мальчик с жёлтым мизинцем на рукавичке.

Ника остановилась. За ним шёл мужчина в засаленном жилете, а следом — Лена. Женщина держалась за его рукав. Круглое лицо обвисло от усталости, на щеке остался след подушки. Мужчина говорил с ней терпеливо, как с больной родственницей, чьего имени стыдится не знать.

— Вы с Нижней набережной? — спросил он Нику. — Стражник сказал, здесь девушка была.

— Я.

— Гер. Я торгую сукном. Сын говорит, вы читали рукавичку.

Лена посмотрела на неё с надеждой. Ника уже ненавидела этот взгляд: он требовал от рук больше, чем они могли сделать.

— Вы её помните? — спросила она Гера.

— Кажется. Когда она рядом — помню. Отвернусь, и как будто мы только познакомились. Я знаю, что женат. У меня дома женская одежда. Только на её имя никак не складывается.

— На одежде есть пометки?

— Были.

Он показал воротник, который принёс с собой. На белой ткани осталась выцветшая полоска. Ника села на ступень, разложила воротник и рукавичку. Пальцы не слушались после бегства. Она сняла кольцо со среднего, чтобы не давило на опухший сустав, и сунула в карман.

— Лена, расскажите ему одну вещь. Такую, которая между вами двумя.

Женщина кивнула. Стала говорить о крыше дома на Лозовой, где они когда-то пытались повесить желоб. Гер перестал теревить жилет. Ладонь его легла поверх её руки.

Ника прочитала в воротнике две буквы и почувствовала, как перед ней возникает вечер: человек стоит на лестнице, другой смеётся снизу, жёлтая вода переливается через край ведра. Надо было удержать это ровно, провести от ткани к словам и людям. Она говорила имя вслух, повторяла подробности. Лена распрямила плечи.

Потом Гер поднял взгляд на мальчика, который шагнул слишком близко к воде. «Сеня, назад», — сказал он. Рука оторвалась от жениной ладони.

Он повернулся обратно и смутился.

— Простите. А вы кому...

Лена согнулась. Ника ухватила воротник обеими руками так сильно, что шов начал рваться.

Марк присел рядом, поднял её локоть.

— Отпустите ткань.

— Ещё раз.

— Вы порвёте след.

Она ненавидела его и за эти слова тоже, но пальцы разжала. Воротник целиком держался на тонкой нитке. Ника положила его на колени Лене, встала и прислонилась к перилам. На ладони осталась кровь: одна из трещин раскрылась.

Марк объяснил Геру то, что говорил ей раньше: одному человеку можно задержать забывание. Для временного закрепления нужны трое, каждый с собственным подтверждением через сохранившийся след. Нельзя заменить их количеством повторений. После Большой воды вернуть связь будет почти невозможно.

— Так мы втроём, — сказал Гер. — Я, сын и девушка.

— Сын пока не удерживает имя. Он испуган. И у нас нет безопасного общего листа для этого воротника. Здесь нельзя начинать на сырой ступени.

Ника повернулась.

— Где можно?

— У Лады Мор. Через две улицы. Она иногда прячет людей до пересчёта.

Лена выпрямилась. Гер взял её за руку и на этот раз не

отпускал даже когда Сеня потянул его за жилет. Они пошли вместе, мальчик впереди, показывая дорогу. Ника хотела проводить их до двери. Марк глянул на ближний мост; там показались двое стражников.

Гер проследил за его взглядом.

— Мы сами, — сказал он. — Вы уже... Спасибо.

Он не знал, за что благодарить, и Ника не знала, что ответить. Она назвала имя женщины ещё раз. Лена кивнула ей, крепко удерживая воротник и рукавичку. Дальше им предстояло искать троих, способных остаться рядом достаточно долго.

* * *

Перед тем как идти к мастерской, они свернули к дому Реннов. Ника сама предложила: нужно взять сухую одежду, немного денег из шкатулки и вещи для Тима. Марк показал, как лучше обойти открытую площадь, но на последнем перекрёстке остановился.

— Дальше вы сами. Я подожду у стены.

Она хотела возразить, потом увидела своё окно. Ставни были закрыты. Дома не происходило ничего, что относилось бы к нему. Ника кивнула и поднялась по наружной лестнице.

В комнате пахло холодной золой. На мансарду вела деревянная ступенька, которую Тим безуспешно обещал переделать с прошлого лета. Ника толкнула её ногой и услышала внутри пережат малenьких винтов. Под ступенькой брат хранил запас. Она провела по краю пальцем, вытащила конверт

с монетами и положила обратно: деньги были его, даже если лежали в её доме.

На столе стояла миска с засохшей кашей. Рядом Тим оставил записку, прижав камнем: «Я у Келя. Вода в кувшине чистая». Ника прочла её дважды. Записка была написана четыре дня назад; она всё это время принимала её за список покупок. Перевернула камень. На нижней стороне брат вырезал маленькую помпу, такую же, как в чертеже.

Ей хотелось сейчас собрать его рубахи, инструменты и простыню в большой узел, отнести в пристройку и сказать, что всё поняла. Ника поняла достаточно, чтобы этого не делать. Взяла свою запасную рубаху, чулки, тёплый шарф. Из шкатулки вынула два серебряных кольца и медь. Адину квитанцию за шерсть оставила на месте. Та ничего не могла сообщить о мастерских и только рисковала потеряться вместе с остальными бумагами.

На стене висела отметка роста. Ада делала её ножом, потому что уголь стирался после побелки. Тима померили последним, в прошлую весну. Он давно был выше обеих старших сестёр, но однажды встал к косяку, потребовал, чтобы Ника проверила, и смеялся, пока она тянулась рукой. Та царапина осталась особенно кривой.

Ника приложила к ней ладонь. Дерево не было соляной бумагой, не держало казённого следа. В нём не возникло ни голоса, ни движения. Она помнила сама, без помощи своего умения. Это простое различие вдруг показалось огромным:

иметь пережитое внутри, а не искать его в трещинах чужой записи.

Из соседней комнаты выглянула хозяйка дома.

— Ты где пропадала? Приходили спрашивать.

— Кто?

— Двое. В форме. Сказала, на работе. Они и ушли. Ты им должна?

— Работа казённая. Переплёт.

Женщина подняла брови. Она не поверила, но не стала расспрашивать. Вместо этого сунула Нике свёрток с сушёной мятой.

— Доре отнеси. Она просила. И сама выпей, а то опять как после горячки.

Ника взяла мяту. Хозяйка посмотрела на её ботинок без каблука, сокрушённо покачала головой.

— Надо принести человеку, который умеет чинить.

— Принесу.

— Вы все так говорите, пока не останетесь босиком.

С лестницы Ника увидела Марка. Он стоял у стены, смотрел на сток, по которому плыла щепка. Рядом два ребёнка запускали в лужу бумажную лодочку. Один попросил у него подтолкнуть, но лодка оказалась слишком далеко. Марк нашёл длинную палку, подвинул нос к струе. Дети убежали вслед за ней, даже не поблагодарив.

Ника спустилась. Он взял её узел правой рукой, и она позволила. Только шарф оставила себе. Шла рядом, прислуши-

ваясь к вывихнутой голени. Не ожидала, что дом причинит больше боли, чем бегство по канаве. Там хотя бы было ясно, куда ставить ногу.

— Дома всё цело? — спросил он.

— Да.

Через несколько шагов она добавила:

— Уже приходили. Так что в следующий раз надо сначала смотреть на окно. Если ставни закрыты среди дня, хозяйка боится.

Он кивнул. Ника понимала, что только что включила его в своё «следующий раз», но сейчас не собиралась ни отменять это, ни объяснять. Они несли чистую одежду и мятую, и до мастерской оставалось два квартала. Дора открыла чёрный ход только после того, как Ника назвала количество петель на первом её учебном переплёте. Их было одиннадцать. Ника когда-то забыла двенадцатую и всю зиму подшивала за это счета за жильё.

— Входите, — сказала хозяйка. — Дамба с вас не выросла, уже хорошо.

Тим сидел у печи. Он вскочил, увидев ногу сестры, но остановился, когда она отдёрнула руку.

— Заноза, — сказала Ника. — И каблук сломала.

— Садись. Занозы тоже предпочитают, чтобы о них думали всерьёз.

Дора поставила чайник. Марку велела сесть у дальней стены, выставить левое плечо к свету и ждать, пока она закончит

с ногой. Ника вытащила жестянку. Сумка при падении помялась, но тетрадь осталась сухой. Обрезок Ады лежал между полосами подложки, как кость в перевязи.

Дора посмотрела на него один раз и сразу отвела глаза.

— Где нашли?

Ника рассказала. О Марке пока не сказала ничего. Он сам мог рассказать, если решит. Сейчас ей хотелось, чтобы кто-нибудь просто убрал из ноги деревяшку и налил горячего.

Дора держала пинцет над пламенем. Когда Ника произнесла «поддамбовые мастерские», хозяйка резко повернула его, и кончик ударил по краю блюда.

— Больше туда не ходите.

— Почему?

— Сгниёт всё на ваших плечах. Переходы старые, бумага сырая. Что вы там найдёте?

— Аду.

Дора вытянула занозу. Ника сжала зубы. Тим сидел на корточках рядом и смотрел на хозяйку.

— Ты знаешь эту бумагу, — сказал он.

— Конечно знаю. Я переплётчица.

— И мастерские знаешь.

Дора не ответила. Положила пинцет, замыла Никину голень. От воды на каменной тарелке пошли розовые круги.

— Знала, что там есть работа, — сказала она наконец. — Всегда была.

— Для кого? — спросила Ника.

Хозяйка посмотрела на Марка. Тот сидел неподвижно, правой рукой придерживая бинт у подмышки. Тим перевёл взгляд с одного на другую.

— Сначала поешьте, — сказала Дора.

Ника стянула полотенце с колена.

— Ты тоже будешь говорить это вместо ответа?

Дора поднялась. Её лицо стало старым, утомлённым, каким Ника редко его видела: хозяйка обычно успевала встретить чужую боль готовым распоряжением. Сейчас распоряжение кончилось.

— Я отвечу, — сказала она. — Только дайте ему до этого не умереть у моей стены.

Тим встал за чистой водой. Проходя мимо Ники, коснулся её плеча. Сам выбрал — без просьбы и разрешения. Она накрыла его руку ладонью на секунду, потом отпустила.

Глава 10 Трое у стола

Дора распоролa рубаху Марка по старому разрезу и долго смотрела на рану. Ника стояла у печи, сушила тряпку и старалась не помогать раньше, чем её попросят.

— Жить собрался? — спросила хозяйка.

— Пока да.

— Тогда перестань тереться о стены. Кто перевязывал?

— Ника.

Дора взяла чистую ткань.

— Неплохо. Туго только под локтем. Левая рука к утру распухнет. Тим, принеси широкую тесьму, у нижнего ящика. Синюю не тронь, она на заказ.

Марк сидел на высоком табурете, опустив голову. От плиты ему на щёку ложился жёлтый свет. Ника смотрела на царапину у его уха, которой утром не замечала, и пыталась представить этого человека двадцатичетырёхлетним. Молодым, уверенным, шагающим рядом с её сестрой. Не получилось. Она видела только нынешнего Марка и оттого злилась ещё сильнее: когда причина боли получает живое лицо, лицо начинает мешать удобной ненависти.

Тим вернулся с тесьмой и маленькой бутылкой, которую держал за горлышко.

— От Келя. Он сказал, если будете умничать, вылить в чай.

— Спирт, — определила Дора. — Кель разве что в суп его не кладёт. Оставь здесь. На коже вокруг пройдемся, в рану нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.